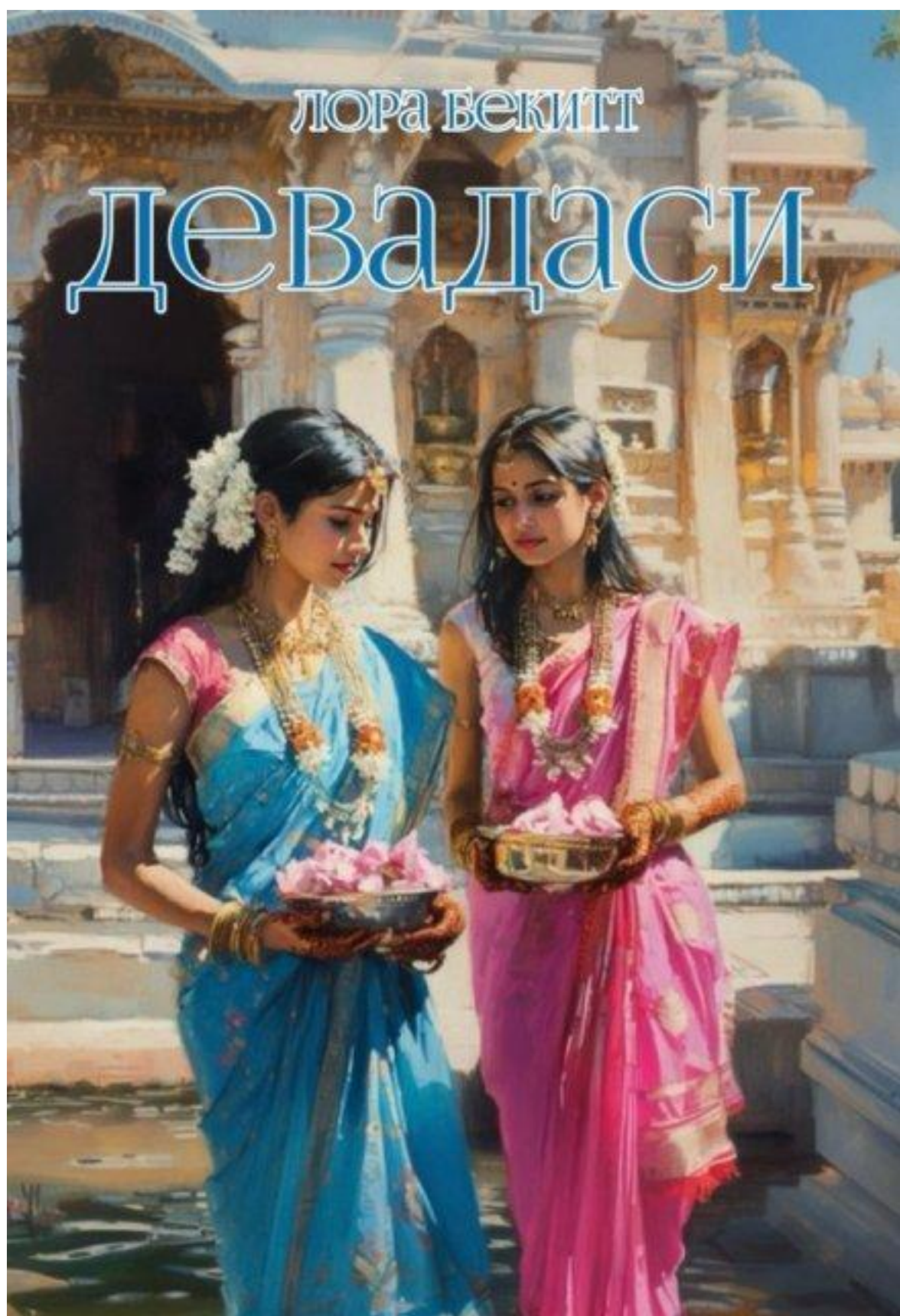

Лора Бекитт
Девадаси

«Литнет»

2024

Бекитт Л.

Девадаси / Л. Бекитт — «Литнет», 2024

Индия, многоликая и вместе с тем узнаваемая, как никакая другая страна. Подруги Амрита и Тара, первую из которых продали в храм родители, а вторая — подкидыш, счастливы и несчастны, свободны и несвободны. Смыслом их жизни становится танец, а еще — желание обрести простое человеческое счастье. Они посвящены богу Шиве, и им запрещено выходить замуж за земных мужчин. Однако человеческое сердце живет по своим собственным законам, и девушкам суждено пройти через нелегкие испытания в борьбе за право любить и быть любимыми.

© Бекитт Л., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Пролог	5
Глава первая	8
Глава вторая	14
Глава третья	23
Глава четвертая	31
Глава пятая	38
Глава шестая	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Пролог

Пролог

В весенний день 1740 года, когда родилась Амрита, шел дождь, такой же унылый и серый, как жизнь бедняка.

Раму сидел на корточках под ветхим навесом, с крыши которого бесконечным потоком лилась вода, и терпеливо ждал, когда ему позволят войти в хижину, откуда доносились душе-раздирающие крики его жены Гиты.

Когда голос роженицы смолк и на пороге появилась деревенская повитуха, мужчина с надеждой поднял глаза.

— Девочка, — сурово изрекла женщина, и Раму обреченно согнул плечи.

Седьмая дочь за тринадцать лет брака и ни одного мальчика: едва ли боги могли придумать более изощренное наказание! Вероятно, в одной из прежних жизней он совершил жестокое преступление, а быть может, когда-то в прошлом у него рождались одни сыновья.

Раму поднялся и направился в дом.

Здесь не было окон, свет проникал через узкий дверной проем. Бамбуковые жерди на потолке закоптились, с них свисали лохмотья сажи. На земляном полу лежало несколько потерянных циновок. У тлеющего очага стояли глиняные горшки. Пахло дымом и сыростью.

Гита лежала, вытянув руки вдоль тела, изможденная и безучастная. Поглядев на жену, Раму подумал о том, что паутина житейских неурядиц может сделать с человеком. Когда-то Гита была веселой, здоровой, красивой, она много смеялась, любила танцевать и петь.

Сейчас он видел перед собой постаревшую, угасшую, обессиленную женщину.

— Я приношу тебе одни лишь несчастья, Раму, — подала голос жена. — Седьмая дочь! Уж лучше б я умерла!

— Не говори глупостей, Гита. Лучше подумай о том, как мы ее назовем.

— Мне все равно, — сказала женщина и отвернулась к стене. — Я не хочу ее видеть!

— Зря ты так, — с укором промолвил Раму и посмотрел на новорожденную, которая лежала в изголовье матери.

Ничего особенного, девчонка как девчонка, кусок мяса, который будет расти, есть и пить, высасывая из измученных родителей последние соки. Иное дело, если б родился мальчик! Сын, который поддерживает отца и мать при жизни и провожает их в последний путь. Совершает обряды, которые обеспечат родителям беспрепятственный переход в следующее рождение. Недаром говорят, что в отличие от дочерей, сыновья рождаются не из чрева, а из сердца!

Выйдя из дома, Раму увидел во дворе деревенского астролога, старика по имени Бхадра, и развел руками. Тот мог бы не приходить в дом бедного шудры[1], над которым в седьмой раз посмеялась судьба.

— Знаю, Раму! — поспешно произнес Бхадра, поднимая ладони. — Я хочу сказать, что твоя дочь родилась под счастливой звездой. Ее ждет необычная жизнь. Она будет красива, богата, умна. Вдобавок боги наградили ее редкостным даром.

— Каким?

— Время покажет, — уклончиво произнес астролог.

Раму невольно поднял глаза. Дождь закончился, но небеса были затянуты серой пеленой. Какие звезды способен разглядеть на пасмурном небе старый обманщик Бхадра?

С другой стороны, он был рад и такому утешению и безропотно протянул старику рупию.

Вскоре дочери, которых на время родов матери отослали к соседям, вернулись домой и хижина наполнилась детскими голосами. Сестры тоже не уделили малышке внимания: они давно привыкли к тому, что почти каждый год их становится на одну больше.

Ночью Гита осторожно поднялась с циновки, взяла новорожденную и тихо вышла из дома.

Дул прохладный ветер. Деревенские улицы тонули в темноте; лишь в некоторых хижинах мелькали тусклые огоньки. Небо очистилось, и луна освещала джунгли призрачным голубоватым сиянием. Раскидистые кроны деревьев приняли нереальные, причудливые очертания.

Мало кто осмеливался покидать деревню в тот час, когда в джунглях пробуждалась таинственная ночная жизнь, однако Гита бесстрашно открыла ворота и быстро пошла по направлению к мрачной чаще.

Извилистая тропинка едва угадывалась в густых зарослях. Порою жгуты лиан цеплялись за плечи, задевали лицо, и Гита нетерпеливо отстраняла их рукой. Кругом трещали цикады, перекликались ночные птицы. Сквозь узоры листвы пробивалось сверкание россыпи звезд.

Женщина не испытывала страха ни перед тем, что собиралась сделать, ни перед собственной гибелью. Если на нее нападет дикий зверь, она будет избавлена от бремени жизни, в которой так много забот и так мало радости. Что касается другого...

Гита была далеко не единственной, кто поступал подобным образом. Соседям можно сказать, что ребенок умер. Никто ничего не заподозрит, а если заподозрит, то не осудит. Выдать замуж семерых дочерей, семь раз приготовить приданое под силу лишь богачу из высшей касты, но никак не бедному шудре!

Быть может, своим поступком она разорвет бесконечный круг, боги поймут свою ошибку и, наконец, подарят им с Раму сына!

Едва ли у нее достало бы сил живьем закопать девочку в землю, как делали иные люди: она положила малышку на траву в стороне от тропинки и быстрым шагом вернулась обратно.

Утром Раму с удивлением увидел, что новорожденная исчезла.

— Гита, — он тронул жену за плечо, — где девочка?

Женщина открыла глаза, и они предательски забежали.

— Не знаю.

— Как не знаешь?!

Разбудили дочерей. Те ответили, что ничего не видели и не слышали.

— Ее унесли духи или утащил дикий зверь, — попыталась объяснить Гита, но Раму не верил.

— Не лги, — сурово произнес он. — Что ты с ней сделала? Если не скажешь, я не найду покоя ни в этой, ни во всех последующих жизнях!

У него было такое выражение лица, что женщина сдалась.

— Я отнесла ее в джунгли и оставила там, — тихо сказала она.

— Ночью?!

— Да.

Наступила оглушающая тишина. Раму не знал, что делать: кричать, бить жену? Каменное спокойствие Гиты внушало мысли о том, что она сошла с ума.

Мужчина молча поднялся и вышел из хижины.

Он догадывался, по какой тропинке шла жена. Раму не сомневался в том, что ребенка давным-давно съели дикие звери, и все же какая-то неумолимая сила вела его вперед.

На кронах деревьев висели клочья тумана, который постепенно исчезал, растворяясь в утреннем воздухе. Когда он окончательно растаял, джунгли стали походить на безбрежный зеленый океан. Деревья и траву покрывала обильная роса, которая быстро высыхала под лучами горячего солнца.

Вскоре Раму различил сквозь птичий щебет тонкий детский плач и его сердце радостно забилося. Он побежал на этот звук с таким чувством, словно услышал глас божества.

Девочка лежала в траве, разметав пеленки, и громко кричала. Раму не выдержал и прослезился. Какая она терпеливая и сильная, какой у нее звонкий голос! Он взял дочь на руки.

Она насквозь промокла и замерзла, но мужчина не сомневался в том, что ребенок выживет. Боги дали понять, что им не нужна такая страшная жертва!

Вернувшись назад и войдя во двор, мужчина поискал глазами жену. Как большинство деревенских женщин, на другой день после родов она встала с постели и занялась повседневными делами. Гита сидела на корточках, повернувшись к мужу худой напряженной спиной, и с привычной ловкостью смешивала солому с коровьим навозом.

Раму окликнул женщину, она обернулась, и он увидел, что лицо Гиты залито слезами. Муж протянул ей ребенка и произнес непререкаемым тоном:

— Ее будут звать Амрита[2].

[1] Шудра — низшая каста в индийском обществе. Ниже шудр стояли только неприкасаемые.

[2] Амрита — «бессмертная». В индийской мифологии — божественный напиток, нектар бессмертия, добытый во время пахтанья океана богами и демонами.

Глава первая

Старшие дочери Раму и Гиты прекрасно справлялись с домашним хозяйством, и потому на долю семилетней Амриты обычно доставалась самая необременительная работа — присматривать за младшими братьями. Она играла с ними в камушки, носилась наперегонки по деревенским улицам, карабкалась на деревья, собирала и жевала душистую смолку, сооружала ловушки для насекомых и мелких зверушек, словом, участвовала во всех проделках Васу и Ромеша.

Родители закрывали глаза на ее шалости: после драмы, разразившейся, когда Амрита едва появилась на свет (о чем девочка, к счастью, никогда не узнала), младшая дочь сделалась их любимицей. И Раму, и Гита относились к ней лучше, чем к сыновьям, которых им в конце концов подарили боги.

Последние годы в жизни семьи выдались очень тяжелыми. Кругом свирепствовал голод. Хотя жители глухой индийской деревни никогда не видели ни одного англичанина, до них доходили слухи о том, что именно белые люди повинны в смерти множества стариков и малых детей.

Каждая горстка риса, каждая капля молока были на счету. Гита варила похлебку из травы, а в муку, из которой пекла лепешки, подмешивала рисовую шелуху.

Каким-то чудом им с Раму удалось выдать замуж двух старших дочерей: четырнадцатилетняя Танга стала женой немолодого соседа-вдовца, а тринадцатилетнюю Малу отдали в семью, где кроме ее юного мужа, было еще пятнадцать детей. Что делать с остальными девочками, откуда взять приданое, родители не знали: Раму забыл, когда в последний раз держал в руках хотя бы одну рупию.

Отец семейства от зари до зари трудился на рисовом поле, Гита вместе со старшими девочками копалась в огороде, младшие собирали в джунглях плоды манго, лайма и других деревьев, и все-таки этого было недостаточно для того, чтобы прокормить большую семью. По приказу колониальных властей деревенский староста и его помощники отбирали у крестьян половину урожая.

Однажды в сезон дождей младший сын Раму и Гиты, четырехлетний Ромеш, тяжело заболел. Он кашлял и прерывисто, судорожно дышал. Мать поила его настоем целебных трав, выпросила у соседки жира и намазала ребенку грудь, но малышу становилось все хуже.

Гита долго сидела возле постели сына, ломая руки и вполголоса повторяя молитвы, потом встала и решительно произнесла:

— Я пойду к Вишалу. Я знаю, у него есть лекарства, которые могут помочь.

Вишалом звали деревенского брахмана[1], одного из самых богатых людей в округе.

— К Вишалу?! — воскликнул муж. — У тебя нет денег!

— То, что у меня нет денег, еще не означает, что у него нет сердца, — отрезала Гита и вышла за дверь.

— Я пойду с тобой, — заявил Раму и отправился следом.

Над горизонтом гроздились иссиня-черные, полные влаги тучи, по улицам кружили вихри белой пыли. Порой в вышине вспыхивала ярко-красная ветвистая молния.

Раму то и дело боязливо поглядывал на небо, но Гита, крепко прижав к себе ребенка, упорно шагала вперед и не обращала внимания на готовую взбунтоваться стихию. Амрита давно догадывалась, что в тайных глубинах материнского сердца куда больше смелости и силы, чем в душе отца.

Девочка сама не заметила, как выскользнула из дома и побежала за родителями. Те шли, не оглядываясь, потому не заметили Амриту: в противном случае мать немедленно прогнала бы ее, заставив вернуться обратно.

Едва родители вошли во двор дома жреца, как хлынул дождь. Амрита кинулась к боковому навесу и притаилась там.

Дождь невольно помог Раму и Гите: слуги Вишала бросились врассыпную — кто начал загонять скот, кто укрылся от ливня, и шудры беспрепятственно проникли в дом жреца.

Вскоре девочке стало скучно сидеть на месте, наблюдая за тяжелой стальной завесой ливня; ей захотелось узнать, что происходит внутри дома.

Осторожно, дабы не быть замеченной слугами, Амрита пробралась в комнаты. Она никогда не бывала в жилище деревенского жреца и теперь поразились тому, насколько сильно его обстановка отличалась от той, какую она привыкла видеть в своей хижине.

Пол был застлан ковром, возле стены стоял покрытый подушками диван, и над ним висел кисейный полог от москитов. Серебряная курильница на подставке сандалового дерева распространяла аромат благовоний.

Вишал и еще какой-то незнакомый, хорошо одетый человек сидели на диване, а Гита и Раму стояли перед ними. Раму — угодливо и боязливо склонившись, Гита — не сгибая спины.

Амрита услышала, как Вишал гневно воскликнул:

— Что ты себе позволяешь! Убирайтесь, не то я велю вышвырнуть вас вон!

— Нет-нет, — довольно мягко произнес его гость. — Она права. Я тоже считаю налоги непомерно высокими и рад бы их снизить, но таков приказ заминдара[2]. Тот, в свою очередь, зависит от английских властей. — И обратился к Гите: — Сколько у тебя детей, женщина?

— Семь дочерей и два сына, господин, — сдавленно произнесла Гита.

Незнакомец покачал головой.

— Надо дать им отсрочку, Вишал. Передай старосте: пусть платят половину того, что должны платить.

— Как скажете, господин.

Жрец подобострастно кивнул, подумав о том, что ни одна деревенская семья не начитывает меньше пяти детей. Остается надеяться, что управляющий владениями заминдара, господин Дипак, который приехал проверить, как выполняются распоряжения хозяина, скоро забудет о своей благодетельности.

Надо было сразу дать Гите лекарство, а не прогонять ее прочь! В ответ сумасшедшая женщина разразилась гневной тирадой, не стесняясь высокопоставленного гостя! Обвинила жреца, а заодно и деревенского старосту в жадности, жестокости, несправедливости и воровстве в присутствии доверенного лица самого заминдара! Вишал решил, что не даст спуска слугам, пропустившим в дом наглуую шудру.

Раму и Гита хотели идти, как вдруг господин Дипак заметил Амриту, которая заглядывала в дверь, улыбнулся и поманил ее пальцем.

— А ты кто такая?

Вишал щелкнул пальцами от досады, когда вместо того, чтобы убежать, девочка вошла в комнату, поклонилась и сказала:

— Меня зовут Амрита.

Она брала пример с матери. Раму всегда боялся тех, кто богаче и выше по положению, тогда как ожесточенной жизнью Гите была присуща некая звериная смелость.

Незнакомец пугал Амриту и вместе с тем вызывал интерес. Нет, не шелковым тюрбаном и одеждой, какую она никогда не видела на жителях родной деревни, а спокойным и умным лицом. Девочка чувствовала: этот господин олицетворяет собой другой мир, непохожий на тот, в котором жила она.

Господин Дипак с любопытством разглядывал девочку. Нежное личико, большие темные глаза, безудержная живость, проявлявшаяся в каждом движении и взгляде. Внутри ее существа будто горел яркий трепещущий огонек: этот ребенок не был похож на забитых, пугливых

крестьянских детей. Как жаль, что такая девочка обречена на жалкое существование в глухой, нищей деревне!

Его жена была больна и не могла рожать, потому он внимательно относился к чужим детям. Господин Дипак знал об ужасающих условиях, в которых живут крестьяне. Он много разъезжал по округе, видел иссохшие тела деревенских жителей и их голодные глаза. Он не мог изменить их судьбу, и его доброе сердце было переполнено чувством горестного бессилия.

Индийцы привыкли к угнетению, но еще никогда оно не было столь безжалостным. Власть англичан была похожа на власть злых богов, а не существ, созданных из плоти и крови. Они распоряжались жизнью и смертью индийцев, назначали телесные наказания, штрафы, бросали невинных в тюрьмы и требовали выкупа. Принуждали местных жителей покупать посевное зерно втридорога и продавать урожай по дешевке. Заставляли население деревень платить налоги за бежавших или умерших односельчан. Они ездили по провинциям, сея страх и грабя все, что попадалось на их пути. Всем, кто отказывался подчиняться их требованиям, колонисты грозили жестокой смертью.

Несчастный народ и не пытался сопротивляться, он с горечью и бесконечным терпением покорялся судьбе. В Калькутте накапливались несметные состояния, тогда как по всей стране миллионы людей умирали от голода.

Господин Дипак наклонился к Амрите.

— Сколько тебе лет?

— Семь. Это наша младшая дочь, — сказала Гита.

— Нелегко выдать замуж семь дочерей, — заметил слуга заминдара.

На сей раз ответил Раму:

— Да, господин.

В его голосе звучала обреченность, и господин Дипак сказал:

— Недавно я посетил одно любопытное место. Оно находится недалеко от Калькутты, в Бишнупуре. Это храм, посвященный Шиве[3]. Отсюда до него примерно два дня пути. Попробуйте показать девочку жрецам. Мне кажется, вашу дочь возьмут в храм. Она научится танцевать и петь, понимать священные тексты. Ей не придется голодать, она не увидит нищеты, не узнает ужасов войны. Вашей семье будет обещано расположение и благосклонность богов. Кроме того, жрецы заплатят вам деньги.

— Они выдадут Амриту замуж? — осмелился спросить Раму.

— Девушки, которых посвятили богу, не выходят замуж за смертных, они становятся девадаси, «женами бога», и навсегда остаются в храме. Сделаться храмовой танцовщицей — великая честь. Танец угоден богам, особенного его создателю — Шиве. — Дипак ободряюще улыбнулся. — Неверно выбранная жизненная дорога делает человека унылым и злым. Если твоей дочери повезет, она найдет свою судьбу и будет счастлива.

— Мы шудры. Разве таких, как мы, берут на службу в храм?

— Жрецы не обращают внимания на кастовые различия. Главное, чтобы девушка была талантлива и красива.

Раму согласно кивнул, но не поверил словам господина. Человек, рожденный в рамках определенного сословия, может выйти из него, только умерев и родившись заново. Шудра никогда не сумеет занять место, которое уготовано брахману, а брахман, наоборот, никогда не станет шудрой.

Хотя из того, что было сказано добрым и умным господином, Амрита почти ничего не поняла, она почувствовала, что у нее горит лицо. Между тем Гита схватила дочь за руку и попятилась к выходу, бормоча слова благодарности.

Девочка ощутила внутреннее сопротивление матери и удивилась, потому что, вне всякого сомнения, незнакомец желал им добра.

Дома Ромешу дали лекарство, и вскоре мальчик поправился. Однако несдержанность Гиты имела плохие последствия: староста деревни и жрец не только приказали Раму сполна уплатить налог, но и выделили самую скудную землю, где были одни камни, песок и глина.

Гита ни разу не вспомнила о совете незнакомого господина, но однажды вечером, когда ужин в очередной раз заменили несколькими глотками воды и дети улеглись спать плачущие и голодные, Раму сам заговорил об этом.

— Помнишь, что сказал гость Вишала? Если Амриту возьмут в храм, нам заплатят деньги. Это спасет нас от голода. А наша дочь станет храмовой танцовщицей и будет счастлива.

Гита горько усмехнулась, и в ее взгляде мелькнуло презрение.

— И ты поверил? Поверил в то, что можно изменить судьбу?

— Этот человек умнее нас с тобой, он знает, что говорит, — веско произнес муж.

Женщина передернула плечами и отвернулась.

— Нет, я не согласна.

Раму не понимал жену. Ему казалось, что они бредут к концу своей жизни, сгибаясь все ниже и ниже, и видят все меньше и меньше света. Он забыл те времена, когда Гита улыбалась доверчиво, радостно и открыто. Он не помнил, улыбалась ли она вообще. Раму знал о том, что она денно и нощно думает о судьбе своих детей и изнывает от невозможности облегчить их долю!

Теперь, когда перед ними вдруг замаячил какой-то выход, жена неожиданно впала в дикое упрямство и не желала попытаться что-либо изменить.

— Почему ты противишься? — беспомощно произнес он.

Женщина закрыла лицо руками — так, будто страшилась показать гнев или стыд.

— Потому что однажды я уже хотела пожертвовать Амритой. Я решила ее убить! Но девочка осталась жива. Боги подарили нам сыновей не потому, что пожелали вознаградить за наши страдания, а потому, что ужаснулись моему поступку! Думаешь, я вновь захочу испытать судьбу?

Раму терпеливо произнес:

— Я не брошу нашу дочь на погибель. Если Амрита понравится служителям храма, я подробно расспрошу их о том, чему учат девочек, и посмотрю, как они живут. Я не уеду до тех пор, пока не смогу удостовериться, что Амрите будет хорошо в храме.

В эту ночь Гита не могла уснуть. Она долго думала о своей вине, чувстве, которое все эти годы сидела в ее сердце занозой и не давала свободно дышать. Отдать дочь в храм? Посвятить ее богу? Что они с мужем знали об этом? Какой мерой могли измерить то горе и счастье, какое придется изведать Амрите — ибо безумен тот, кто полагает, будто существует тьма без света, вода без суши и сладость без острого привкуса горечи!

С другой стороны, их дочь не умрет от голода и научится исполнять ритуальные танцы! Быть может, когда-нибудь она заработает много денег и сумеет помочь своей семье.

Утром Раму спросил Амриту:

— Ты хочешь научиться танцевать, хочешь одеваться в красивые сари?

Девочка с готовностью кивнула.

— Тогда мы поедem в Бишнупур, и я оставлю тебя в храме.

Амрита вздрогнула. В это мгновение она не хотела думать о том, что ожидало ее впереди. Она ценила настоящее, в котором ее любили и берегли. В котором она была не одна.

— Я не хочу разлучаться с вами.

Пытаясь собраться с силами, Раму беспомощно заморгал глазами.

— Приходится выбирать. Когда у человека есть выбор, это хорошо; гораздо хуже, когда его нет, как у нас с матерью и твоих сестер. Я отвезу тебя в храм, и, если тебе там не понравится или если я узнаю, что служители плохо обращаются с девочками, мы уедем обратно.

Раму и верил, и не верил своим словам. С одной стороны, он ни за что не оставит дочь у чужих людей, если почует что-то неладное. С другой, он понимал: деньги на дорогу придется занять и, если Амриту не возьмут в храм и жрецы ему не заплатят, поездка обернется катастрофой!

Гита напекла лепешек из последней муки и завязала их в чистый платок, выстирала и починила сари Амриты, расчесала и заплела ее волосы. Нацепила на шею девочки стеклянные бусы и надела на тонкую ручку медный браслет с цветными камушками. Она не говорила ни слова, однако Амрита чувствовала боль и волнение матери.

Раму отправился в путь на рассвете, в тот час, когда похожее на гигантскую раскаленную монету солнце показалось из-за края горизонта и мир озарил теплый и нежный свет.

Гита без конца поправляла на дочери одежду. В горле женщины застыл тяжелый комок, ее руки дрожали. Она давно разучилась и смеяться, и плакать и была не прочь разучиться чувствовать.

Амрита держалась спокойно. Она не тревожилась, потому что ехала с отцом. Девочку переполняла тайная гордость. Братья и сестры смотрели на нее с любопытством, как на диковинку: никто из них ни разу не покидал деревню и думать не думал о том, что на свете существует другой мир, не похожий на тот, в котором они живут.

Когда они с отцом вышли за ограду, Амрита оглянулась. Гита стояла посреди двора, прижав руки к груди, и слегка раскачиваясь из стороны в сторону, будто дерево от порывов ветра.

Девочке стало страшно. Она не смогла понять выражения лица матери, но ей почудилось, будто в душе Гиты звучит мелодия, мрачная, тягучая и унылая, как на похоронах.

Вскоре Амрита приободрилась. Они с отцом шли по пролегающей через джунгли дороге, и девочка любовалась пышными кронами деревьев, их могучими корнями, кое-где выступающими из-под земли и напоминающими застывших змей, переливами света и тени в листве, вереницей белых облаков в высоком небе.

Пахло свежестью, еще чем-то незнакомым и пряным. Сотни птиц прыгали с ветки на ветку, блистая красками оперения, наполняя заросли многоголосым пением. Яркую зелень леса пронизывали золотистые лучи солнца. Тамаринд, бамбук, манговые деревья, упругие стебли лиан — казалось, джунглям не будет конца! Тропический лес стоял единым массивом, в нем не было никаких просветов.

Раму не останавливался до тех пор, пока не набрел на ручей. Тогда они с Амритой сели на траву и съели по одной лепешке, после чего отец аккуратно собрал крошки и вновь завязал платок. Неизвестно, сколько продлится путь, а другой еды у них не было.

Заметив, что Амрита поглядывает на узелок, Раму сказал:

— Я бы многое отдал за возможность никогда не голодать!

— Скажи отец, люди рождаются богатыми и счастливыми? — спросила девочка.

Раму никогда не задумывался над этим и потому пожал плечами.

— Люди нашей касты редко бывают богатыми, — ответил он.

— А счастливыми?

Мужчина вздохнул.

— Я никогда не знал, что такое счастье.

[1] Брахманы — представители высшей, жреческой касты, по преданию созданной из головы великого бога Брахмы.

[2] Во времена английского завоевания Индии заминдарами называли феодалов, утвержденных в правах собственника земли, на которой трудились крестьяне, и плативших налог колониальным властям.

[3] Шива — бог очистительного разрушения, одно из божеств верховной триады, наряду с творцом Брахмой и хранителем Вишной.

Глава вторая

На широких, вымощенных каменными плитами улицах Калькутты не смолкали гомон и шум; отовсюду доносились крики торговцев, погонщиков буйволов и слонов, заклинателей змей и бродячих музыкантов. Прилавки многочисленных рынков были завалены переливающимися штукаами тканей; здесь же пестрели цветочные гирлянды, продавались мука, молоко и рис, различные пряности, овощи и фрукты.

Двигались запряженные волами, тяжело нагруженные повозки. Проплывали паланкины — целые комнаты! — на могучих плечах носильщиков. Крыши дворцов и храмов золотились на солнце. Раскидистые кроны огромных деревьев смыкались, образуя тенистый полог.

Под руку с разряженными дамами прогуливались английские джентльмены в суконных камзолах с серебряным шитьем на груди, парчовых жилетах, треугольных шляпах и напудренных париках. Важно шествовали представители индийской знати в ярких шарфах и тюрбанах, сопровождаемые изрядным количеством воинов; красивые женщины в сари из тончайшего шелка со златотканой каймой прятались в тени зонтов, которые держали служанки.

Чаще встречались такие, как Раму, — худые, жилистые мужчины в застиранных дхоти[1], с коричневым лицом и вечно склоненной головой, небрежно повязанной грязной тряпкой.

Ошеломленный суетой и мощью большого города, Раму не стал задерживаться в Калькутте. Разузнав, как попасть в Бишнупур, он нашел человека, который вез туда свой товар. Скрепя сердце Раму отдал ему последние рупии, усадил смертельно уставшую Амриту в повозку, а сам побрел рядом.

На следующий день они прибыли в Бишнупур, где им сразу показали дорогу к храму Шивы, куда устремлялись толпы паломников. Святилище стояло на холме, и издали казалось, будто по склону ползут сотни разноцветных муравьев.

Амрита навсегда запомнила, как шла к храму, — маленькая босоногая девочка в выцветшем сари, крепко державшая за руку отца.

Край неба нежно розовел, облака были обведены золотистой каймой. Обрамлявшая дорогу зелень источала сладкий аромат. Здесь росло много яблонь, священных растений Шивы. Над головой стремительно проносились ласточки.

Построенный из гранита и светлого песчаника храм мерцал в свете зари как волшебное видение, как обещание неземного счастья. Раму и Амрита затаили дыхание, потому что никогда не видели ничего подобного. Храм был украшен рядами рельефных изображений: издали казалось, будто стены покрыты тончайшим кружевом.

Поклонившись каменным статуям у входа и войдя в ворота, Раму долго бродил в толпе паломников, пока не столкнулся с двумя служителями храма.

Раму выпустил руку Амриты и упал на колени, тогда как девочка с любопытством разглядывала незнакомых людей. Одним из них был мужчина средних лет с отрешенным взглядом небольших темных глаз. Желтая шелковая ткань изящно обвивала его худощавое тело. Другой — юноша лет четырнадцати в расшитом золотом дхоти, очень гибкий и стройный, с искусно накрашенным лицом, широко распахнутыми, яркими и чистыми глазами. Его длинные черные волосы были собраны в прическу верховных божеств, на обнаженной груди поблескивали многочисленные цепочки и бусы, руки были украшены литыми браслетами.

Амрита встретила с ним взглядом, и он приветливо улыбнулся, обнажив ряд жемчужных зубов. Улыбка была такой обаятельной и теплой, что девочка едва не заплакала от счастья.

— Что тебе нужно? — неприветливо спросил старший у Раму, который не осмеливался подняться и что-то униженно бормотал. — Говори, мы спешим, нам надо готовиться к празднику.

Амрита не сомневалась в том, что жизнь этих людей и есть сплошной праздник, а прекрасный юноша — великий и бессмертный Шива, точнее, Натараджа[2].

Раму собрался с духом и, запинаясь, проговорил:

— Я привел свою дочь, чтобы... чтобы посвятить ее богу.

Мужчина пожал плечами. Он не был расположен заниматься судьбой Амриты. Тем не менее жрец приподнял голову девочки за подбородок, заглянул ей в лицо и с сомнением произнес:

— Не знаю, получится ли из нее храмовая танцовщица. Разве что показать ее Иле?

— Девочка подходит для обучения, — вдруг сказал юноша.

— Почему ты так думаешь, Камал?

Тот вновь улыбнулся и произнес одно единственное слово:

— Глаза!

— Что ж, тебе лучше знать.

Раму понял, что не нужно задавать никаких вопросов. Если Амриту берут в храм, нельзя противиться судьбе.

— Отведи свою дочь вон туда! — Мужчина показал в сторону каких-то невысоких строений. — Спросишь Илу и отдашь ей девочку.

Раму поднялся на ноги, взял Амриту за руку и поклонился. Ему очень хотелось узнать о деньгах, но он не осмеливался задать вопрос. Вдруг служители храма сочтут это оскорбительным и прогонят его прочь!

Если бы Раму приблизился к храму, он бы смог разглядеть, что помимо изображений многорукого Натараджи, наружные стены божественного сооружения украшены скульптурами полногрудых красавиц и слившихся в страстном объятии пар. И если бы немного разбирался в символах, сумел бы понять, что изображают татуировки на груди и плечах жреца: лингам в йони[3], означающий любовное соединение мужчины и женщины. И быть может, догадался, каким образом служат храму «жены бога».

Ила оказалась невысокой стройной женщиной лет двадцати пяти, вся в блестящих золотых украшениях и в голубом сари с широкой каймой и расходящимися от талии веерообразными складками.

Раму с поклоном передал ей слова жреца.

Женщина велела Амрите снять одежду и внимательно осмотрела ее тело. Потом заставила девочку поворачиваться в разные стороны, поднимать руки и ноги, выгибаться и наклоняться к полу.

— Ее тело не имеет изъянов. Движения недостаточно свободны, но это можно исправить. Пусть остается, — сказала она и прибавила: — Попрощайся с дочерью, а потом подойди к жрецам — они отблагодарят тебя за то, что ты посвятил своего ребенка богу.

— Не уходи, отец! — воскликнула Амрита, когда они остались одни. Тонкий голосок девочки срывался и дрожал.

У Раму защемило сердце.

— Тебе будет хорошо в храме, лучше, чем дома, — пробормотал он. — Если ты откажешься, Шива может разгневаться. Посмотри, как здесь красиво, как богато одеты люди! А я... мы с Гитой приедем тебя навестить.

Он знал, что это ложь, но ему нужно было уговорить Амриту остаться.

— Вы скоро приедете?

— Да. Очень скоро. Если тебе не понравится в храме, мы заберем тебя домой.

Согретая призрачной надеждой, Амрита глубоко вздохнула и расправила худенькие плечи.

— Обещай!

— Обещаю.

Появилась Ила; она взяла девочку за руку и повела за собой, а мужчина поспешно покинул территорию храма. Перед тем, как уйти, он отыскал жреца, и тот заплатил ему сто рупий: огромную сумму, на которую семья Раму могла прожить долгое время. Мужчина облегченно вздохнул: эти деньги окупали любые жертвы!

Ила привела девочку в большое, чистое и светлое помещение с гладким глиняным полом, на котором были расстелены цветные циновки, а на них лежали шерстяные подушки и полотняные покрывала.

— Здесь ты будешь жить, — сказала она. — А сейчас тебе надо помыться и надеть другую одежду.

Она отвела Амриту в купальню и помогла девочке вымыть тело и волосы. Хотя ее прикосновения были мягкими и осторожными, даже закрыв глаза, Амрита могла сказать, что ее трогают чужие равнодушные руки.

Гита никогда не улыбалась, ласкала редко и мимоходом, и все-таки девочка знала, что мать способна понять и утешить и что она никогда не оставит в беде. Дома у Амриты не было ощущения, будто ее бросили в океан пустоты, где она беспомощно барахтается, не зная, как выбраться на берег.

Ила дала новой воспитаннице чистое сари, после чего принесла кувшин молока, вкусные лепешки, чашку хорошо проваренного белоснежного риса и целую гору фруктов. Амрита наелась до отвала, и все же ей не стало радостнее и легче.

Она прилегла на циновку и хотела заснуть, как вдруг в помещение гурьбой вбежали возбужденные нарядные девочки с цветами в искусно убранных волосах и звенящими украшениями. Они становились как вкопанные, с любопытством глядя на новенькую.

Потом одна из них, красивая девочка примерно одного с ней возраста, подошла к обомлевшей Амрите и властно произнесла:

— Кто ты?

Девочка встала и посмотрела ей в глаза.

— Амрита.

— Откуда ты взялась? Зачем ты здесь?

Чувствуя враждебность незнакомки и возглавляемой ею толпы, Амрита мучительно размышляла, что бы ответить, и вдруг вспомнила слова «прекрасного Натараджи».

— Камал сказал, что я смогу научиться танцевать.

Лицо незнакомки просветлело, словно она внезапно услышала волшебное заклинание.

— Камал? — с улыбкой повторила она и спросила: — Ты еще не решила, где будешь спать? Если хочешь, можешь лечь рядом со мной.

— Как тебя зовут? — осмелилась спросить Амрита.

— Тара. Пойдем!

Тара взяла новенькую за руку и показала на одну из циновок.

— Здесь.

— Из какой ты касты? — на всякий случай спросила Амрита. Она очень боялась, что девочка заявит, что она брахманка или вайшья[4]. Тогда им вряд ли удастся подружиться!

Однако Тара спокойно произнесла:

— Я не знаю. Мне неизвестно, кем были мои родители. Они оставили меня на пороге храма.

Амрита растерялась. Она впервые очутилась в обществе, где кастовая принадлежность не имела значения. Она никогда не предполагала, что такое возможно, и не знала, хорошо это или плохо.

— А остальные?

— Из разных каст. И будь ты брахманка, а я — неприкасаемая, — Тара жестко улыбнулась, — если я научусь танцевать лучше, чем ты, я буду выше тебя!

— Кто учит вас танцам?

— Ила. Другие девадаси. А еще — Камал.

— Он — Натараджа? — В голосе Амриты звучали наивность и надежда.

— Он — храмовый танцовщик. Такой же, как и я, — ответила Тара и, поймав изумленный взгляд собеседницы, пояснила: — Его тоже подкинули в храм. Он необычайно красив и талантлив и потому исполняет роль Шивы на всех праздниках.

— А девадаси?

— Они тоже танцуют.

— Ты — девадаси? — спросила сбитая с толку Амрита.

— Пока еще нет, — терпеливо произнесла Тара и в нескольких фразах поведала новенькой ее дальнейшую судьбу: — Для начала ты обязана изучить сто восемь танцевальных движений, которые придумал Шива, и научиться их сочетать. Если выдержишь испытание, после того, как на твоем сари впервые появится кровь, ты пройдешь обряд посвящения, станешь женой бога и начнешь служение в храме.

— Кровь? — с тревогой повторила Амрита.

— Да. Обычно это происходит, когда девочка превращается в девушку: бутон раскрывается и становится цветком.

— Это страшно? — на всякий случай спросила Амрита, и Тара ответила:

— Это — начало новой жизни.

— Ты хочешь сделаться девадаси?

— Это моя самая большая мечта.

Амрита решила держаться поближе к новой подруге. Девочка чувствовала: рядом с Тарой она обретет поддержку и защиту.

Утомленная дорогой и множеством впечатлений, Амрита рано легла спать — в тот час, когда девочки еще вовсю обсуждали храмовый праздник.

Ей показалось, будто она едва закрыла глаза, как вдруг кто-то резко потряс ее за плечо. Это была Тара.

— Вставай!

Ошеломленная, Амрита вскочила с постели и захлопала глазами.

Кругом было холодно и темно, и в этой прохладной, неуютной тьме шевелилось множество фигур. Сонные девочки поднимались с циновок, одевались, поправляли сари, наспех причесывались и устремлялись к выходу, спеша и натываясь друг на друга.

Душа и тело Амриты бурно протестовали против столь раннего пробуждения, но делать было нечего, и она отправилась следом за остальными.

Ей очень хотелось заплакать, но плакать было нельзя, и она молча страдала, изнывая от желания чудесным образом перенестись домой, сделать так, чтобы все, что произошло с ней за последние сутки, превратилось в сон.

Девочка пристроилась в хвост большой очереди и ждала, когда можно будет плеснуть в лицо холодной водой. После умывания им выдали по горстке риса и глотку молока: едва проглотив скудный завтрак, Амрита вновь захотела есть, потому что давно недоедала.

Удрученная девочка побрела следом за остальными на большую, ровную каменную площадку, где им предстояло заниматься до полудня. К тому времени восток начал светлеть, и кружевная листва деревьев четко выделялась на фоне розовато-серого неба. Тающие звезды походили на изящную вышивку серебром по шелковой ткани. Легкие облака напоминали лепестки цветов. Ползущие по земле тени казались длинными и прозрачными.

Храм возвышался на горизонте как огромная глыба, как обещание чего-то грозного и неумолимого.

Ила велела им построиться и повторять ее движения. Амрита не могла уследить за бесконечными поворотами тела танцовщицы и разнообразными жестами. Больше всего на свете

ей хотелось вернуться в домик с циновками, лечь и забыться сном. А еще — очутиться дома. Отец был не прав, когда говорил, что главное — не голодать. Главное — не быть одинокой.

Зачем она здесь? К чему этот танец во тьме? Что означает все это? Амрита пыталась следовать за процессией девочек и повторять то, что они делают, но безнадежно отставала и ошибалась.

Ила подошла к ней и поправила спину. Она сделала это не грубо, но повелительно, требовательно и жестко. Амриту несказанно обидело прикосновение неласковых рук, и она едва удержалась, чтобы не разреветься в голос.

К восходу солнца девочка чувствовала себя совершенно измученной, измотанной бесплодными попытками уловить суть того, чему ее пытались учить. Слова и движения Илы не вызывали в ее душе никакого отклика. Тара двигалась во главе шеренги; если она и догадывалась о страданиях новенькой, у нее не было возможности подойти к ней, пожалеть и помочь.

К тому времени как солнце начало припекать, губы девочки пересохли от жажды, а тело болело и ныло, будто пораженное страшным недугом.

Внезапно Амрита села на землю и разрыдалась. Ей почудилось, будто внутри лопнула туго натянутая струна или прорвалась невидимая плотина. Она отчаянно хотела домой!

Растерянные девочки остановились, потом нерешительно столпились вокруг. Амрита не смела поднять глаза, потому что ожидала увидеть в их взглядах презрение и насмешку.

Ила приблизилась к ней с явным намерением обругать и наказать, как вдруг раздался голос:

— Что случилось?

К ним подошел юноша по имени Камал, которого Амрита вчера по наивности приняла за спустившегося с небес Натараджу.

Шальвары из тонкой струящейся ткани были туго стянуты на талии и перехвачены у щиколоток звенящими серебряными кольцами. Черные волосы небрежно разметались по плечам. Ненакрашенные глаза и лицо озарял нежный внутренний свет.

— Эта девочка бестолкова. Она не может повторить ни одного движения и только путает остальных, — с досадой произнесла Ила.

— Возможно, она просто не понимает, чему ее учат, — заметил юноша и обратился к Амрите: — Пойдем.

Девочка покорно встала. Все самое плохое уже случилось. Хуже могла быть только смерть.

Камал отвел на край площадки и усадил на большой плоский камень.

— Как тебя зовут?

— Амрита.

— Что с тобой? — мягко промолвил он, заглянув в ее остановившиеся, потускневшие глаза.

Этого тона и этого взгляда было довольно для того, чтобы слезы полились с новой силой.

— Я... я хочу домой! — всхлипывая и запинаясь, произнесла девочка.

— Домой? — Он кивнул. — Понимаю. У меня не было родителей и другого дома, кроме храма, но в детстве я тоже часто плакал оттого, что хотел «домой», хотел попасть в другое место, где нет окриков, утомительных занятий, ударов бамбуковых палок. Через это проходит каждый, и ты не можешь представить, какими ничтожными покажутся тебе страдания, когда ты получишь награду! Когда впервые почувствуешь, что твое тело повинуется тебе. Пусть твои ноги будут касаться земли, но у тебя будет ощущение, будто ты летаешь! Для того чтобы научиться летать, птицам достаточно нескольких часов, тогда как человек вынужден посвящать этому годы изнурительных упражнений. Но... не жалея, Амрита! Когда ты поймешь, для

чего рождена и получишь возможность выполнять свое предназначение, ты обретешь свободу, ибо истинная свобода существует только в человеческой душе.

— Я боюсь, — прошептала Амрита и покосилась на Илу, которая продолжала заниматься с девочками.

— Людей? Их не стоит бояться. Злых людей нет, просто человек тоже имеет несколько ипостасей и также противоречив, как и бог Шива: он может быть и гневным, и добрым, и разрушающим и создающим жизнь. Впадать в неистовую ярость и становиться доброжелательным и милосердным. Ты должна слушаться своих учителей. А еще — поверить в свои силы. Бери пример с Тары: она захотела стать лучшей и стала.

Амрита вытерла слезы. В присутствии этого человека она не чувствовала себя одинокой. Он умел и утешить, и вселить надежду.

— Почему ты сказал про... мои глаза?

— Потому что каждое движение тела сопровождается движением глаз. Танцовщица должна уметь передать взглядом любые оттенки чувств. Мне кажется, в этом ты способна превзойти остальных.

— Мне придется выучить сто восемь танцевальных движений? — обреченно произнесла девочка.

Камал улыбнулся.

— Дело не в этом. Мало держать в руках нити, надо уметь соткать из них нечто особенное, неповторимое, свое.

Глубоко вздохнув, Амрита задала последний вопрос:

— Ты знаешь, что такое счастье?

— Да, знаю. Счастье — понять свое предназначение, уверовать в него и следовать ему.

Когда Амрита вернулась на площадку, занятие закончилось. Ила отпустила девочек, и они побежали обедать. Обед был намного сытнее завтрака, но из-за пережитого волнения Амрита почти не могла есть.

— О чем с тобой говорил Камал? — ревниво спросила Тара, отщипывая от лепешки по маленькому кусочку и один за другим отправляя в рот.

— Он сказал, что у меня все получится, и велел брать пример с тебя, потому что ты — лучшая.

Тара счастливо улыбнулась и покровительственно пообещала:

— Не бойся! Ты справишься! Я тебе помогу.

Они вместе прошли под большой навес и уселись на тростниковые циновки. Здесь было прохладно; по земле разметались причудливые зеленые тени.

Вошел жрец, высокий пожилой мужчина в белоснежном одеянии и принялся нараспев читать священные тексты, время от времени останавливаясь и делая пояснения, в которых Амрита ничего не понимала. Она закрыла глаза, расслабилась и задремала. Дул свежий ветерок, монотонные звуки то отдалялись, то приближались, как волны прибоя.

Она резко вскочила, когда жрец протянул бамбуковую палку и больно ударил ее по плечу. Из глаз брызнули слезы, а сердце будто упало к ногам.

Все уставились на нее. Амрита мучительно покраснела и села, стараясь неотрывно смотреть на жреца, который со строгим видом продолжал чтение.

Когда урок закончился, воспитанницы храма получили возможность привести себя в порядок. Они гурьбой побежали в дом. Услышав веселые крики и громкий смех, Амрита догадалась, что их ждет что-то увлекательное и интересное. Потом кто-то обмолвился, что следующий урок будет вести Камал.

Утратившая всегдашнюю невозмутимость Тара возбужденно прихорашивалась: заплетала волосы, надевала украшения, расправляла сари, покусывала губы, чтобы они заалели,

похлопывала себя по щекам и придирчиво разглядывала свое отражение в небольшое серебряное зеркало. В эти мгновенья она напоминала маленькую женщину.

Тогда Амрита еще не поняла, что в сердце Тары живет глубокая, уже недетская любовь. Все девочки любили Камала, но скорее, как старшего брата и доброго друга. И только для Тары эта любовь была звездой, что освещает жизненный путь, и призрачной целью, к которой она ежесекундно стремилась, не замечая и не видя ничего вокруг.

Если Камал воплощал в своих танцах любовь к Шиве, то для Тары танец был проявлением любви к Камалу.

Юноша ждал девочек на площадке. Когда они окружили его веселой толпой, он похлопал в ладоши и сказал:

— Вспомните миф о гибели Сати, супруги Шивы, и ее возрождении в образе Парвати. Изобразим эту историю в танце. Роль Сати будет исполнять Тара, а Парвати — Амрита.

Лицо Тары озарила полная благодарности и благоговения улыбка. Прямая как струна, гордая, окрыленная девочка с готовностью вышла на середину площадки, тогда как Амрита сгорбилась, сжалась и задрожала от страха.

Однако Камал взял ее за руку и поставил рядом с собой.

— Не бойся, — мягко произнес он. — Я покажу, что нужно делать.

Так началась ее жизнь в храме. Первые дни, недели и месяцы были мучительны — Амрита плакала от боли в негнувшихся руках и ногах, от того, что тело ныло, ступни горели, голова отказывалась запоминать и понимать священные тексты. Она тяжело привыкала к новой жизни и все еще не могла понять, зачем ее посвятили богу.

Девочки попадали в храм по-разному. Иных приводили родители, других попросту подкидывали на порог храма. Некоторые были дочерьми танцовщиц.

Порой девадаси становилась соблазненная девушка или та, что прежде была наложницей состоятельного человека. Из последних редко получались преданные «жены бога» и хорошие танцовщицы. Лучшими были такие, как Тара, с раннего детства воспитанные в атмосфере поклонения Шиве, не знавшие ни другого мира, ни других людей.

Тара сдержала слово и во всем помогала новой подруге. Она не боялась ни соперничества, ни зависти, потому что такой танцовщицей, как она, можно только родиться. Тара начала постигать искусство танца раньше, чем остальные; ей не приходилось сожалеть о родителях, вспоминать о потерянном доме, она не задавалась вопросом том, где ее место и что она делает в храме. Храм был ее миром и домом, она отдавала любимому делу и душу, и сердце.

Будучи детьми, Амрита и Тара увлеченно предавались ребяческим забавам. Они устроили тайник в ямке под стеной дома и прятали там цветные стеклышки, бусины, камушки, лоскутки, яркие перья. В свободные часы извлекали свои сокровища, раскладывали на земле и играли в них. Порой они воображали себя принцессами, женами раджей и небесными девами и разыгрывали целые представления.

Храм был богат: пытаясь заручиться благосклонностью бога, сотни состоятельных людей делали немалые пожертвования; тысячи паломников были готовы расстаться со звонкой монетой, дабы лицезреть прелести девадаси, насладиться их танцем и познать их любовь. Несмотря на свирепствующий в стране голод, храм продолжал жить своей жизнью, благо, колониальные власти не смели вторгаться в святая святых фанатично религиозных индусов.

Жизнь храма, всецело подчиненная предписаниям и правилам, тем не менее была насыщена и интересна. Жрецы поливали статую Шивы душистой водой, посыпали цветами, окуривали благовониями, предлагали ей бананы и кокосовые орехи. Возили на прогулку в запряженной быками колеснице.

Чувство благоговения и восторга вызывали праздники, оглашенные пением священных текстов, звонкой барабанной дробью, сопровождаемые яркими торжественными процессиями

жрецов, танцовщиц и паломников, наполненные благоуханием цветов, ароматами фимиама и камфарных палочек.

И все же Амрита сильно скучала по дому.

Тяжелее всего были ночи, ибо проходил еще один день, и девочка говорила себе, что родители вновь не приехали. Однажды, будучи не в силах сдержаться, она поделилась переживаниями с подругой.

Тучи унесло ветром, и в окно светила похожая на огромный серебряный слиток луна. Девочки спали, и только Амрита задумчиво и горестно смотрела на сверкающее звездами небо.

— Тара! — прошептала она, не смея коснуться лежащей рядом подруги.

Та спала чутко и сразу проснулась.

— Что?

— Прости, что разбудила, — виновато произнесла Амрита и прибавила: — Я не могу понять, почему ни отец, ни мать ни разу меня не навестили! Они обещали забрать меня домой, если мне не понравится в храме. Что-то случилось или... они меня обманули?!

Тара долго молчала, потом промолвила, повернув к Амрите залитое лунным светом лицо:

— Я ни разу не видела, чтобы чьи-то родители приезжали в храм и тем более забирали своих детей обратно! По-моему, это невозможно.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что... такова жизнь. Отец посвятил тебя богу — твоя судьба решена, обратного пути нет.

— Значит, мне не на что надеяться?

— Ты должна надеяться... на что-то другое. Думать о том, что станешь хорошей танцовщицей, а как только придет срок, пройдешь посвящение в девадаси.

Когда наступило утро, Тара сказала Амрите:

— Пойдем, я тебе кое-что покажу.

Она привела подругу в дальний угол храмовой территории, подошла к стене и принялась терпеливо отодвигать наваленные друг на друга камни. Вскоре Амрита увидела в стене пролом, через который вполне могла пролезть взрослая женщина.

Отсюда открывался вид на город, тонувший в похожем на цветочную пыльцу золотистом тумане: нагромождение больших и малых строений, толпы людей.

— Что это? — спросила Амрита.

— Свобода.

— Ты думаешь?

Тара пожала плечами.

— Не знаю. Когда ты здесь, кажется, что свобода — там, и наоборот. Возможно, когда-нибудь я попробую убежать. Я случайно нашла эту дыру и закрыла камнями так, чтобы никто ничего не заподозрил и не стал ее заделывать.

— Убежать? Зачем? — прошептала потрясенная Амрита. — Ты так любишь Шиву и храм! И желаешь стать девадаси!

— Да, люблю, — жестко произнесла Тара, — но если мне придется разочароваться в том, о чем я мечтаю, я уйду навсегда. Я тебя обманула. На самом деле мне вовсе не хочется думать, что для нас существует только один выход!

Она в волнении сжала тонкие пальцы, и ее глаза потемнели. Недетский взгляд Тары был властен и непоколебим.

— А я хочу вернуться домой, — с грустью промолвила Амрита.

Тара промолчала. Ей казалось странным думать о возвращении. Можно дважды увидеть один и тот же сон, но в реальной жизни нельзя повернуть время вспять. Невозможно из

бабочки вновь превратиться в куколку, из растения — в семя, как невозможно отказаться от того, к чему побуждает любовь.

[1] Дхоти — одежда индийских мужчин. Кусок ткани обвязывается вокруг бедер, пропускается через ноги спереди назад и подтыкается на спине у поясицы.

[2] Натараджа — «владыка танца», одна из ипостасей бога Шивы.

[3] Лингам — фаллический символ, олицетворяющий Шиву, йони — символ женских детородных органов. В более глубоком смысле лингам и йони — божественное сознание и человеческое тело, дух и природа, время и пространство и т.д.

[4] В Индии было и есть четыре основных общественных сословия — касты. Брахманы — жрецы, кшатрии — воины, вайшья — торговцы и шудра — слуги. За пределами кастового общества стоят неприкасаемые.

Глава третья

Стройная девушка с блестящими черными волосами и большими серьезными глазами, в затканном золотом одеянии прекрасного бенаресского шелка, кружилась в танце под неторопливую дробь барабана. Белые цветы, украшавшие прическу юной танцовщицы, были похожи на больших бабочек или хлопья снега, чудесным образом упавшего с небес в жаркий летний день.

Взмах ресниц, наклон головы, изгиб рук, изящный поворот тонкого стана — каждое движение было отточено годами изнурительных упражнений, о чем ни за что бы не догадался тот, кто не посвящен в секреты обучения девадаси.

В этом легком волшебном танце, полном непостижимой гармонии и божественного света, воплотились вера в мечту и радость любви.

Барабаны смолкли. Девушка остановилась и спустя мгновение вернулась в реальный мир. Ила хлопнула в ладоши.

— Отлично, Амрита!

Рядом с наставницей стояла другая девушка — с гладким и нежным, как лилия, лицом, полными алыми губами, густыми, черными как ночь волосами, страстно сияющими глазами. Это была Тара, лучшая из юных танцовщиц, тринадцатилетняя красавица, обещавшая затмить самых известных и дорогих девадаси храма Шивы.

Как и подруга, Амрита с честью выдержала испытание. Храмовый танец стал ее жизнью; с некоторых пор ей чудилось, будто она способна станцевать над пропастью, не боясь сорваться с высоты, — таким послушным и легким казалось ей собственное тело.

Обучение закончилось. Теперь танцовщицам предстояло самостоятельно совершенствовать свои умения. Одна за другой девочки проходили посвящение и становились «женами бога». Некоторые подробно рассказывали, как происходил обряд, другие предпочитали молчать. Иные шли на это с готовностью и любопытством, другие испытывали нерешительность и страх.

Жрецы приводили девочку в храм, к алтарю, где совершали несложный ритуал. Потом она следовала в брачные покои, чтобы впервые познать своего «мужа». На брачном ложе бога Шиву обычно заменял один из жрецов или человек, хорошо знакомый с храмовыми порядками. Изредка такое право покупал богатый жертвователь.

Посвященных можно было легко отличить по тали, витоми шнуру на шее, знаку замужней женщины, и особым рисункам на теле. Став «женами бога», юные танцовщицы поступали в распоряжение немолодой девадаси по имени Хемнолини: она читала им «Камасутру» и обучала искусству любви. Истинная цель обучения состояла в том, чтобы, отдаваясь паломникам, исполняя их сокровенные желания, девушки не думали, будто занимаются чем-то постыдным, а были уверены в том, что служат Шиве.

Постигшие тайны чувственной страсти, девадаси заставляли своих поклонников платить за любовные утехы немалые суммы, из коих сами не получали ни рупии. Храм обеспечивал их одеждой, украшениями, едой. Они не имели права покинуть его территорию без разрешения верховного жреца, не могли выйти замуж.

Любовные связи между девадаси и служителями храма были строго запрещены, хотя, случалось, высшие жрецы проводили ночь с понравившейся девушкой.

Хотя Амрита еще не стала «женой Шивы», она уже знала о том, что ее ждет. Когда лингам соединяется с йони, из глубины вселенского пространства в человеческий мир льется поток животворящей энергии и наполняет его собой подобно тому, как ветер наполняет паруса. Этот таинственный ритуал порождает божественную свободу и сопровождается бесконечным блаженством.

К тринадцати годам Амрита настолько сроднилась с храмом, что не мыслила жизни вне его стен. Родители так и не приехали. Вероятно, они позабыли о ней, и постепенно она тоже начала забывать отца, мать, сестер, братьев и родной дом. Ей предстояло сделаться девадаси, и она думала об этом как о своей судьбе.

Тара неистово желала пройти посвящение: в последнее время она говорила и думала только об этом и втайне завидовала подругам, которые уже стали «женами бога». Когда ей назвали день, она дрожала от предвкушения и испуганно готовилась к обряду.

В отличие от подруги Амрита не стремилась поскорее начать новую жизнь. Она бессознательно лелеяла и берегла остатки уходящего детства. Полная сомнений и смутных опасений, девушка взяла с Тары слово подробно рассказать о том, как происходило ее посвящение в девадаси.

Ожидая возвращения подруги, Амрита грустила. Неожиданно комната, которую она делила с другими юными танцовщицами, показалась ей незнакомой, чужой. Здесь они с Тарой предавались грезам, их сердца оживляли горячие стремления и пылкая девичья вера в грядущее счастье. Здесь переживали огорчения и неудачи, делились секретами и поверяли друг другу мечты. Когда подруга вернется, она будет принадлежать к другому, взрослому миру. Детство останется позади.

Девочки убежали примерять новые сари. Они звали Амриту с собой, но она не пошла, решив во что бы то ни стало дожидаться Тару.

Услышав знакомые шаги, девушка с радостью поднялась навстречу.

Тара вошла на негнущихся ногах, медленно пересекла комнату и опустилась на циновку. Ее волосы разметались по плечам, взгляд остановился, лицо походило на маску. На шее красовался витой шнур. Обряд посвящения в девадаси состоялся. Тем не менее что-то было не так.

Амрита не осмеливалась задавать вопросы и только смотрела с сочувствием и тревогой.

Тара свернулась клубочком и долго молчала. Амрита не выдержала и осторожно погладила подругу по плечу.

— Не понимаю, — глухо произнесла Тара, — как он мог меня предать?!

— Кто? — прошептала Амрита.

— Камал.

Девушка все поняла.

— Ты думала, это будет он?!

— Да. Он, изображающий бога Шиву, знающий, как сильно я его люблю!

Амрита на мгновение задержала дыхание.

— Быть может, он... не знает, что ты его любишь?

Тара смотрела на нее огромными, полными страдания глазами.

— Не знает?!

— Мне кажется, он одинаково относится ко всем девушкам, — робко промолвила Амрита.

— Неправда, — упрямо возразила подруга. — Он всегда выделял меня среди остальных!

— Потому что ты лучшая из танцовщиц, а вовсе не потому что...

— Полагаешь, он любит другую? — с мрачной усмешкой перебила ее Тара.

— Я думаю, он любит... Шиву.

Тара села и обняла колени. Ее глаза, глаза взрослой женщины, были сухими — в них пылал темный огонь.

— Я всегда знала, что ничто не может помешать нам быть вместе. Он танцовщик от бога, и я тоже. Мы оба подкидыши и не знаем, к какой касте принадлежим. Даже если я неприкасаемая, а он брахман или наоборот, это не будет служить препятствием. Днем мы бы могли танцевать во славу Шивы, а по ночам — предаваться любви.

— Это запрещено.

— Если быть хитрыми и осторожными, можно сохранить отношения в тайне.

— Ему двадцать лет, а тебе всего тринадцать. Быть может, он по-прежнему видит в тебе маленькую девочку?

Тара рассмеялась зловещим, мстительным смехом.

— Теперь-то я женщина!

Они долго молчали. Потом Амрита несмело спросила:

— Кто... это был?

— Жрец. Виджай. Я настолько растерялась, увидев его, что мне изменили и разум, и выдержка. Когда он дотронулся до меня, я закричала и начала вырываться. Ему пришлось держать мои руки, он сильно разозлился и даже ударил меня. Потом я поняла, что, если убегу от него, со мной все будет кончено: меня выгонят из храма, и я никогда не стану девадаси. Я заставила себя покориться и лежать смирно. Это было ужасно, просто ужасно, Амрита! «Лингам в йони», — она горько усмехнулась, — хуже этого ничего нет!

— Может, тебе поговорить с Камалом? — спросила Амрита, искренне жалея подругу.

— Поздно. Нам уже не о чем говорить.

Она снова умолкла, и Амрита поняла, что не сможет вынести этого молчания, полного горечи и отчаяния, какие способен породить только крах всех надежд. Внезапно в голову девушки пришла мысль.

— Скажи, Камал... когда-нибудь участвовал в посвящении? Что говорили другие девочки?

— Даже если и участвовал, они мне не скажут, — мрачно произнесла Тара. — Все знают, что Камал — мой и что я выцарапаю глаза каждой, кто осмелится желать его любви!

— Думаю, большинство из нас относится к нему как к другу, — успокоила Амрита и предположила: — Возможно, когда-нибудь он позовет тебя к себе?

— Нет. Ты права: Камал никогда не нарушит запреты в угоду своим желаниям. Его жизнь — есть цепь ритуалов, посвященных служению Шиве. Больше он ни о чем не думает.

В последующие дни Тара ходила потрясенная, угасшая, едва волоча ноги. Она не ела, не танцевала, не следила за собой. Поскольку посвящение состоялось, Тару отправили к Хемнолини, но девушка не желала слушать, что говорит старая девадаси.

Не в силах помочь подруге, Амрита думала о том, что раньше не приходило ей в голову: можно стать прекрасной танцовщицей, но потерпеть неудачу в постижении любовной науки.

Девушка долго размышляла о том, как исправить положение, и наконец решила поговорить с Камалом.

Подкараулив юношу возле храма, Амрита окликнула его, и он подошел к ней.

К двадцати годам Камал стал еще красивее, чем прежде: гибкое, будто тростниковый стебель, гладкое золотисто-коричневое тело, большие, пленительные глаза. Его лицо притягивало взор, как притягивает произведение великого мастера. Ровные брови словно вышиты тонкими темными нитями, губы будто вырезаны из кораллов.

— Здравствуй, Камал.

Он весело улыбнулся.

— Здравствуй, Амрита! Как поживаешь?

— Хорошо.

— Ты уже прошла посвящение в девадаси?

— Нет.

— Теперь, наверное, недолго ждать. Ты стала очень красивой и выглядишь совсем взрослой.

Амрита подумала о Таре, о том, с каким восторгом подруга готовилась к таинству и чем оно для нее обернулось.

— Послушай, Камал, ты знаешь все на свете, скажи, что такое любовь и откуда она берется?

Юноша рассмеялся.

— Когда ты станешь постарше, Амрита, тогда поймешь, что я вовсе не так умен, как тебе кажется. А любовь вызывает бог Кама. Разве тебе не рассказывали? Он стреляет из лука волшебными стрелами, которые пробуждают страсть в каждом, в кого попадают. Он бестелесный, потому его невозможно увидеть.

— Как узнать, что стрела достигла цели?

Камал лукаво улыбнулся.

— Если ты задаешь такой вопрос, значит, еще не была влюблена!

— А ты... ты кого-нибудь любишь? — с волнением спросила девушка и получила тот самый ответ, какой ожидала услышать:

— Да. Я люблю Шиву.

— Все мы любим Шиву, — спокойно сказала Амрита. — Я спрашиваю о любви к женщине.

Он нахмурился.

— Ни ты, ни я не можем любить смертных. Если в сердце «жены бога» вспыхнет любовь к земному мужчине и она не приложит все силы к тому, чтобы ее погасить, то будет очень несчастна.

«Что и случилось с Тарой», — подумала Амрита.

— Если б ты узнал, что тебя любит какая-то женщина, что бы ты сделал?

— Посоветовал бы ей думать о любви к богу.

— Тебе известны тайны жизни храма. Скажи, как жрецы выбирают мужчину, исполняющего роль Шивы на супружеском ложе той, которую посвящают в девадаси?

— При помощи жребия.

— Желание служителей храма играет какую-то роль?

— Ни малейшей.

Она пристально смотрела ему в глаза.

— Это правда?

— Уверяю тебя, Амрита!

— Ты не жрец, но твоя роль в жизни храма очень важна. Ты когда-нибудь участвовал в обряде посвящения девушек в девадаси в качестве... «мужа»?

Юноша пожал плечами.

— Я не могу ответить на этот вопрос.

— Неужели у тебя никогда не было возлюбленной?

Безупречно гладкий лоб Камала прорезала тонкая морщинка.

— Ты становишься чересчур любопытной, Амрита! К чему ты завела этот разговор? Какое это имеет значение?

— Для меня — никакого. Не хочешь, не отвечай. Просто я подумала, что многие девушки наверняка без ума от тебя...

— Я уже сказал: я держу их на расстоянии. Если б женская любовь интересовала меня больше, чем танцы, я бы не служил в храме.

— А вдруг бог Кама все-таки ранит тебя своей стрелой?

— Я сочту это величайшим несчастьем.

Девушка не рассказала подруге о разговоре с Камалом. Пусть все идет своим чередом. Амрита вспоминала миф, который они часто разыгрывали в танцах: о том, как Шива, опечаленный смертью своей жены Сати, не хотел слышать ни о каких женщинах. Он не знал, что Сати, перевоплотившись, уже приняла облик Парвати, и не обращал внимания на любовь пре-

красной девушки. Тогда Боги обратились за помощью к Каме, и тот выстрелил в Шиву. После этого Шива влюбился в Парвати и они поженились.

То, что угодно богам, все равно исполнится; никому не уйти от стрел вечно юного Камы! И едва ли волшебную стрелу можно запросто вынуть из сердца! Если Камалу суждено полюбить Тару, они будут вместе, если нет — тогда подруге лучше о нем забыть. Правда, Амрита плохо представляла, как можно перестать думать о том, кого видишь перед собой каждый день!

Вскоре Тара немного приободрилась: невидимые раны начали заживать. Когда Амрита узнала про день своего посвящения, который выбрали храмовые астрологи, подруга сказала:

— Не обращай внимания на то, что я тебе рассказала. Возможно, у тебя все сложится по-другому.

Они лежали рядом и тихо говорили. На темно-синем бархате неба ярко сияла похожая на огромную жемчужину луна. Откуда-то доносились тихие таинственные звуки. Свежий ночной ветер был насыщен ароматами цветов.

— Хемнолини сказала, будто вчера на территорию храма пытались зайти англичане. Жрецы очень обеспокоены. Представь, что будет, если белые солдаты захотят выбрать девушку! Я скорее умру, чем отдамся одному из них! — прошептала Тара.

— Жрецы не допустят, чтобы в храм проникли люди другой веры!

— Я тоже на это надеюсь.

— Как часто тебе придется принимать у себя паломников? — помолчав, спросила Амрита.

— Пока не закончится обучение, всего лишь изредка. Хемнолини будет заниматься с нами три года; за этот срок мы должны окончательно позабыть о неловкости и смущении. — Тара горько вздохнула и крепко сплела пальцы. — Мне кажется, я никогда не избавлюсь от стыда и душевной боли!

В тот день, когда должно было состояться посвящение в девадаси, Амрита проснулась ни свет ни заря и занялась нарядами и прической. Если для Тары обряд давно утратил налет божественности, Амрита старалась смотреть на грядущий ритуал другими глазами. Меньше всего она думала о том, кто будет представлять бога Шиву. Как всякая юная танцовщица, она уважала и побаивалась всех жрецов и была готова покориться любому из них.

Она будет считаться взрослой, она станет «женой бога» — такие мысли наполняли душу приятным возбуждением и гордостью.

Амрита надела маленькую, ярко-оранжевую, расшитую серебром и зашнурованную на спине кофточку и такого же цвета складчатую юбку, схваченную по бедрам небесно-голубым поясом-шарфом, завязанным на животе красивым узлом и спадающим длинными концами. Гладко причесанные волосы украсила алыми цветами. Ручные и ножные браслеты были унизаны крошечными серебряными «слезками». Шею обхватывала массивная гривна. Глаза были ярко подведены черной тушью.

Наступил вечер. Солнце зависло над горизонтом огромным огненным шаром. Девушка прошла по нагретым за день плитам двора и поднялась по крутым ступеням.

Внутри храм был в изобилии тонко, изящно декорирован. Вдоль стен выстроились украшенные золотом статуи. Хотя Амрита бывала здесь много раз, сейчас все виделось в ином свете.

Жрецы уже ждали. Они велели девушке снять одежду и подвели ее к алтарю. Один из жрецов вложил в руки Амриты трезубец — символ власти Шивы, другой принялся читать священные тексты, а третий, взяв острую палочку, стал обмакивать ее в сандаловую пасту и наносить на плечи, грудь, руки и бедра девушки ритуальные рисунки.

От волнения Амрите стало холодно, она дрожала всем телом. В эти волнующие минуты ее сочетали браком с богом! Внезапно девушка вспомнила мать: что сказала бы Гита, если бы узнала, какая необычная судьба уготована ее дочери!

Жрец взял из рук Амриты трезубец и с поклоном возложил его на алтарь. Повесил на шею девушки тяжелую благоухающую цветочную гирлянду. Потом два жреца взяли ее под руки и повели в глубину храма.

Открылась маленькая дверь, и Амрита очутилась в комнатке, где прежде никогда не бывала.

Обстановка поражала роскошью. Огромная кровать сандалового дерева с серебряной инкрустацией, покрывало персикового цвета с золотой бахромой и кистями. Темно-красные бархатные подушки. С потолка спускался чеканный светильник. Стены были обиты шелковой тканью. На полу — пушистый ковер. Убранство спальни вполне соответствовало ее новому статусу «жены бога».

Жрецы удалились и закрыли дверь.

Возле ложа стояла большая серебряная чаша. Девушка знала, что должна совершить ритуальное омовение, и не смела этого сделать: Амрите казалось, что за ней наблюдают, она стыдилась своей наготы.

Чуть помедлив, она села на ложе. Гирлянду должен снять «муж». По окончании брачной ночи он же наденет на шею «жены» витой шнур.

Дверь открылась, вошел мужчина. Амрита не могла заставить себя поднять глаза и посмотреть на него. Что-то подсказывало ей, что она хорошо знает своего «супруга». Наверняка это был один из жрецов. Интересно, кто? Среди них были и молодые, и зрелые, и старики.

— Амрита! — позвал мужчина, и юная танцовщица вскинула взор.

Его грудь украшало жемчужное ожерелье — оно отливало перламутровой белизной, казавшейся особенно яркой на фоне смуглой кожи. На руках, чуть выше локтей, красовались золотые браслеты. В черные волосы были вплетены золотистые, красные и серебряные шнурки. Талию обвивал яркий шелковый пояс.

Наверное, решила девушка, именно так и должен выглядеть бессмертный Шива. Однако это был не бог. Это был... Камал!

Амрита вспыхнула. О нет! Только не это! Тара считает, что Камал ее предал. Что она скажет, узнав, что лучшая подруга, с которой она шесть лет делила радости и горести, невольно заняла место? Место, на котором Тара так мечтала очутиться!

Пусть это был бы Виджай, пусть древний старец Нишант, первый попавшийся мужчина, совсем незнакомый, да кто угодно! Ей не было бы так стыдно!

В глубине души Амрита понимала, что они ни в чем не виноваты. Она не может отказаться участвовать в обряде и Камал — тоже. С одной стороны, ей повезло, что ее первым любовником станет этот красивый юноша, а с другой...

Камал подошел к ложу, не испытывая ни малейшей неловкости и глядя на Амриту так, как обычно смотрел на нее, когда обучал танцам.

Он зажег серебряную курильницу, и девушка вспомнила, как Тара говорила об одурманивающих благовониях. Возможно, это поможет ей забыться...

— Дыши глубоко и медленно, Амрита. Еще можешь пожевать вот это. Но только чуть-чуть.

Он протянул ей чашку с какими-то корешками. Улучив момент, Амрита, схватила целую пригоршню, затолкала в рот и принялась поспешно жевать, не обращая внимания на терпкий привкус. Будет лучше, если она упадет в обморок и вовсе ничего не почувствует!

Повинуясь взгляду Камала, девушка легла на кровать, и молодой человек вытянулся рядом. Его обнаженное тело было гладким, от него очень приятно пахло.

Когда юноша дотронулся до нее, Амрита невольно отпрянула.

— Слияние лингама и йони объясняет природу всех вещей. Это жертвоприношение, и его не надо бояться! Все будет хорошо. Давай я натру тебя благовониями.

Амрита вспомнила, как он утешал ее, когда она была маленькой девочкой, и понемногу успокоилась, покорилась неизбежному. Позволила Камалу делать все, что хотел.

Молодой человек зачерпнул душистого масла и принялся втирать его в тело девушки, осторожно массируя и постепенно подбираясь к сокровенным местам.

Почувствовав пальцы Камала там, где ее никто никогда не трогал, Амрита задрожала от волнения и стыда. Руки юноши были теплыми и мягкими. Еще нежнее были губы, ласкавшие нецелованную девичью грудь.

Тем временем начали действовать таинственные снадобья, которые она необдуманно проглотила в большом количестве: перед глазами словно рассыпались тысячи сверкающих звездочек, а душа, казалось, отделилась от тела и понеслась неведомо куда, прочь от земли, от прежних волнений и страхов, мелких, суетных желаний. В ушах звучала такая дивная музыка, что хотелось плакать, смеяться и кричать от восторга.

Первый любовный опыт особенно важен для девадаси. Научившись получать удовольствие с первой же ночи, девушка легко продолжит путь служения богу.

После женитьбы на Парвати великий Шива долго приучал к себе молодую жену. Украшал цветочными гирляндами, надевал и снимал драгоценности и сияющие красками одежды, шептал ласковые слова, рисовал на ее теле тайные знаки, нежно гладил и сладко целовал, обучая сложному и прекрасному искусству любви.

По телу Амриты растекались волны блаженства. Теперь она понимала, что такое йони и где должен находиться лингам! Страх отступил, стыд исчез, осталось безумное, ничем не сдерживаемое влечение.

Когда желаемое свершилось, она глубоко вздохнула и закрыла глаза. Амрите чудилось, будто она плывет по огромному океану в лодке, которую раскачивают упругие волны. Каждое движение двух слитых друг с другом тел наполняло ее глубоким восторгом, желанием бесконечно продолжать этот путь.

Соединение лингама с йони было ключом к тому миру, о котором она ничего не знала. Который был во сто крат лучше того, в котором Амрита жила прежде!

— Просыпайся, Амрита. Пора расставаться.

Она с трудом приподняла тяжелые веки. Темные глаза Камала смотрели внимательно и серьезно. Девушка заметила, что он снял украшения и надел дхоти.

— Вставай, только осторожно, чтобы не закружилась голова. — Он бережно поддержал ее за талию. — Зачем ты съела так много корней?

— Прости! — пробормотала Амрита.

Все вернулось на круги своя. Радость померкла. Вновь появились неловкость и стыд. Впрочем, они не смогли стереть воспоминаний о ни с чем не сравнимом удовольствии, какое она испытала минувшей ночью.

Амрита заметила на постели алые пятна. Итак, она стала «женой бога». В подтверждение свершившегося Камал надел ей на шею тали.

— Тебя ждет Хемнолини. — Он ободряюще улыбнулся. — Завтра она начнет заниматься с тобой. Прилежно изучай науку любви: уверен, что из тебя получится великолепная девадаси!

Девушка вышла из храма. Стоял обычный летний день, светило солнце, небо выглядело пронзительно-синим и гладким, как шелк. Вот только она сама никогда не будет прежней!

Провожавшая Амриту Хемнолини поинтересовалась, как прошла ее первая ночь с мужчиной, и тут же дала девушке несколько советов. Юная девадаси не слушала наставницу. Она думала о другом.

Девушка вернулась в свое жилище и сразу встретила горящий взгляд взволнованной Тары.

— Ну... что?!

— Я прошла посвящение.

— Понимаю. Кто это был?!

Амрита поняла, что ни за что на свете не сможет открыть подруге правду.

— Виджай.

Тара разрубила кулаком воздух.

— Опять Виджай! Да пусть он сгорит! Это было ужасно?

— Вовсе нет. Мне было... хорошо.

Лицо полыхало предательским румянцем, на губах дрожала робкая улыбка.

— Значит, тебе больше повезло, — угрюмо произнесла Тара. — Или ты иначе устроена. Впрочем, тебя не волновало, кто это будет...

Голова кружилась, и Амрита легла на циновку. Она не знала, почему по лицу потекли слезы. Быть может, потому, что детство закончилось, а она так мало знала о взрослой жизни. Или оттого, что она невольно предала подругу и отныне должна хранить в душе эту постыдную тайну.

Глава четвертая

— Мне кажется, невозможно завладеть всем и успеть повсюду, отец. Вы хотите сохранить хорошие отношения с представителями высших индийских каст и вместе с тем приглашаете к себе в дом англичан. Вы велите моей сестре присутствовать при наших беседах с белыми офицерами, улыбаться им и играть на ситаре[1] и при этом собираетесь выдать ее замуж за брахмана. Вы настояли на том, чтобы я выучил английский и познакомился с европейской культурой, а теперь говорите, что я должен жениться на дочери человека, которого интересует только торговля.

Выслушав своего сына, господин Рандхар откинулся на спинку кресла.

— Ты прав, Киран, это действительно так. Я стараюсь ничего не упустить. К сожалению, сейчас нельзя жить иначе. За неуплату налога заминдару грозит продажа его владений, причем без какого-либо судебного разбирательства. И если выручка от продажи имущества не покроет недоимок, заминдара подвергнут аресту и тюремному заключению. Английские порядки несладки, и я должен прилагать неимоверные усилия для того, чтобы сохранить нашу собственность. Все, что я делаю, я делаю ради вас, своих детей.

Киран нехотя кивнул. Было трудно не согласиться с доводами отца. В отличие от господина Рандхара юноша интересовался только книгами, а его сестра Джая была нежной и хрупкой девушкой. Отец перенес любовь к своей жене, которая умерла много лет назад, на детей, сделав их жизнь легкой, радостной и беззаботной. Теперь пришло время оплачивать долг.

— Позвольте мне посмотреть на невесту.

— Ты увидишь ее во время свадьбы, как и положено. Не беспокойся, она молода и красива. А пока я советую тебе отвлечься от книг и совершить интересную поездку. Она пойдет тебе на пользу как мужчине и будущему мужу.

Киран вздохнул. Это был двадцатилетний юноша с серьезным лицом и задумчивыми глазами. Один из немногих просвещенных индийцев, он прочитал немало историй о правде и лжи, лицемерии и морали, видимости и истине. В тайне от отца он поджидал английские корабли и покупал у моряков зачитанные за долгие месяцы плавания, местами порванные и засаленные книжки. Так в руки Кирана попали романы Свифта и Дефо — великолепные притчи о человеке и его судьбе во враждебном мире, пронзительные и мрачные стихи Донна и даже пьесы Шекспира.

Ему нравилось все английское и вместе с тем возмущали сами англичане. Большинство из тех, кто населял так называемый Белый город, жили в роскоши, держали множество слуг. Вели себя нагло, играли в карты, дрались на дуэли, обзаводились любовницами и без конца совершали торговые сделки, набивая карманы деньгами. Они презирали обитателей Черного города — тех кварталов Калькутты, где жили индийцы.

— Куда я должен поехать?

Господин Рандхар, высокий, дородный человек со смуглым лицом и властным взглядом, добродушно усмехнулся.

— Ты не должен. Я тебе предлагаю. Управляющий нашим имением, господин Дипак, много лет подряд вспоминает одно местечко, где побывал еще в молодости. Оно находится недалеко от Калькутты, в Бишнупуре. Это известный на всю округу храм бога Шивы. В нем выступают знаменитые девушки-девадаси. Возьми деньги, поезжай туда, поживи в Бишнупуре несколько дней. Там ты познакомишься с храмовой культурой, насладишься танцами и, надеюсь, приобретешь... кое-какой опыт. Это мой подарок... перед твоей свадьбой.

Кирану ничего не оставалось, как с благодарностью поклониться отцу.

На самом деле ему не хотелось никуда уезжать. Он ничего не понимал в танцах и не интересовался ими; его не привлекала продажная любовь, которую называли «служением богу».

— Сегодня у нас будут гости, — сказал заминдар, — заместитель начальника местного гарнизона и еще один офицер.

Киран снова кивнул. Это означало, что ему придется исполнять роль переводчика; причем англичане непременно начнут обмениваться репликами, смысл которых ни в коем случае нельзя передавать отцу. Отец, в свою очередь, станет отпускать замечания, многие из коих представители колониальных властей наверняка сочли бы оскорбительными, если бы понимали хинди.

У заминдара было роскошное имение в окрестностях Калькутты и особняк в самом городе — здание с чисто выбеленными, украшенными орнаментом стенами и забранными узорчатыми решетками окнами. Дом окружал пышный сад с водоемом. Здесь было множество беседок, качелей и ярких клумб. Дочь господина Рандхара, Джая, очень любила цветы и выращивала алую ашоку, желтый чампак, гибискус с его пьянящим запахом, нежно благоухающий жасмин.

Внутри дома были деревянные лестницы, занавески из бамбука, мебель из ротанга, медные светильники, тканые половики — всюду, кроме комнаты Кирана, который предпочитал европейскую обстановку.

Поговорив с отцом, молодой человек прошел в покои младшей сестры, к которой был сильно привязан.

— У нас опять будут гости, Джая, — с усмешкой произнес он, присаживаясь на обитый ярким шелком диван. — Мне не нравится, когда англичане разглядывают тебя. Ведь это просто солдаты, грубые и невежественные. Представляю, о чем они думают!

Девушка улыбнулась. Небесно-голубое сари необыкновенное шло к ее нежному личику и воздушному облику.

— Не переживай, Киран! Пусть смотрят. Меня не оскорбляют их взгляды. Все, что делает отец, он делает ради нас.

— Знаю, — согласился молодой человек и заметил: — Хотя, мне кажется, напрасно он выдает тебя замуж за старика.

Джая смущенно потупилась.

— Мы вайшьи, а мой будущий муж — брахман. Породниться с людьми из высшей касты — великая честь для любой семьи.

— Какое это имеет значение! — в сердцах воскликнул Киран.

— Не имеет — среди англичан, которых ты так сильно не любишь, но только не среди нас.

— Я не люблю тех англичан, которые приходят в наш дом, — заметил юноша.

Тем не менее он вышел к ужину и вежливо поздоровался с двумя офицерами в красных мундирах английской армии, одного из которых звали Томас Уилсон, другого — Джеральд Кемпион. Кемпион немного знал хинди, тогда как старший по званию и возрасту Уилсон не понимал ни слова.

Оба были из небогатых семей, оба приехали в Индию из Лондона в надежде заработать денег, оба участвовали в битве с бенгальскими войсками и получили повышение благодаря своей сметливости и храбрости. Уилсон был назначен заместителем начальника гарнизона и приблизил к себе Кемпиона, вместе с которым приплыл в Индию пять лет назад, съел пуд соли и выдержал немало превратностей суровой колониальной жизни.

Тогда гарнизон Калькутты был невелик: основные силы англичан сосредоточились на юге Индии, где шла война с французами. Укрепления были заброшены, ров осыпался, военные и продовольственные припасы давно не пополнялись. В таких условиях приходилось сражаться и жить.

Губернатор Калькутты и командующий гарнизоном, развращенные погоней за барышами, ненавидели друг друга; поглощенные спорами и междоусобной борьбой, они не думали о судьбе города и его жителей.

Джеральд Кемпион хорошо запомнил сражение за форт. В страшной жаре, окруженные тучами москитов, под писк копошащихся крыс сотни людей, мужчины и женщины, набивали мешки песком и укладывали на стены у амбразур, чистили ружья, сушили порох, распределяли скудные запасы патронов и продовольствия. Тут же вспыхивали потасовки между пьяными солдатами-наемниками, набранными среди португальских и голландских авантюристов.

Несмотря на старания защитников форта, бенгальские войска вошли в город, и бой продолжился на улицах Калькутты. Изможденные, окровавленные, покрытые копотью батарейцы, среди которых были Кемпион и Уилсон, держались до последнего. Кровь орошала камни, слышались отчаянные крики, стоны и выстрелы.

Они выиграли бой и отбросили войска противника за стены форта, но какой ценой? Десятки английских солдат и множество индийских беженцев погибли. Далеко не все умерли от ран; обстановка внутри крепости была просто ужасной: зловоние, грязь, тучи мух. Люди заболели дизентерией и погибали, не дождавшись помощи. Когда Джеральд и Томас вспоминали эти дни, им казалось, что они побывали в аду.

Теперь никто не осмеливался оспаривать английское господство, и британцы чувствовали себя хозяевами бенгальской земли. С французской империей в Индии было покончено. В главном городе Бенгалии, Муршидабаде, на престоле сидел правитель, наваб[2], бывший марионеткой в руках колониальных властей — губернатора, военной верхушки и руководства Ост-Индской торговой Компании.

Тридцатидвухлетний Томас Уилсон снимал дом в Калькутте, на территории Белого города», в квартале, где селились высокопоставленные военные и богатые купцы. На родине его ждали жена и дети, здесь он жил с английской проституткой, прибывшей в Индию на заработки.

Двадцатипятилетний Джеральд Кемпион был одиноким, если не считать старушки-матери, которую он оставил в Лондоне. Жилье в Калькутте сдавалось дорого, и молодой человек предпочел остаться в Форт-Уильяме. Эта крепость возвышалась у пристани на реке Хугли. В Форт-Уильяме размещались склады, гарнизон, лазарет и небольшое тюремное помещение.

Джеральду нравились местные женщины, но за пять лет жизни в чужой стране ему не удалось сблизиться ни с одной из них: индианки избегали европейских мужчин. Разумеется, случаи насилия были нередки, но молодой офицер не мог даже думать об этом: он родился в простой семье, повидал кровь и смерть, но в глубине души был романтиком и джентльменом. Ему хотелось познать настоящую женскую ласку и любовь.

Когда Джая вышла из своих покоев, Джеральд восхищенно уставился на дочь хозяина. Молодой офицер не мог понять, каким образом индийские девушки могут одновременно казаться соблазнительными и скромными!

Ресницы стыдливо опущены, покрывало скромно прикрывает волосы и лоб, при этом тонкая розовая кофточка не скрывает очертаний груди, а из-под юбки выглядывают прелестные ножки в звенящих браслетах. Голые руки, обнаженный живот — смотри и любуйся, но не приближайся даже на шаг!

Если бы молодой англичанин был знаком с индийской мифологией, он бы сказал, что это Лакшми[3], спустившаяся на землю богиня: юная девушка на пороге женственности, с лотосоподобными глазами, грациозной шеей и красивыми формами.

К восторгу молодого офицера, Джая приветствовала гостей на их родном языке. Потом скромно присела на диван в глубине комнаты и взяла в руки музыкальный инструмент.

— Позвольте побеседовать с вашей сестрой, — обратился Джеральд к Кирану.

— Наши обычаи не опускают этого, — холодно заметил молодой человек. — К тому же моя сестра, — он сделал паузу, подбирая подходящее английское слово, — помолвлена.

Ему не нравилось, что при решении своих проблем отец использует Джаю в качестве приманки для английских мужланов.

Подали угощение. Заминдар собственноручно надел на шеи гостей цветочные гирлянды и разлил французское вино. Слуга подал воду для омовения, принес чечевицу с овощами, щедро приправленную тмином, зажаренных на вертеле птиц, вареную рыбу, творог с медом.

Желая развлечь гостей и добиться непринужденной обстановки, господин Рандхар снова завел разговор о храмовых танцовщицах.

Ни Уилсон, ни Кемпион не слыхали о девадаси, и Киран был вынужден пуститься в объяснения. Разумеется, англичане поняли все на свой лад.

— Здорово придумано! — расхохотался Уилсон. — Слышишь, Джерри? Проститутки под маской «жен бога». Надо поделиться этой идеей с христианскими священниками! Храмы обогатятся!

Киран не понимал, почему эти люди с таким цинизмом говорят о религии, почему они не способны постичь, что храм — место мистической встречи человека и бога, не важно, какие обряды совершаются в его стенах! Любая вера — особый мир, это чувства людей, которые стоит уважать!

— Девушки исполняют ритуальные танцы и помогают паломникам завоевать расположение бога.

— Да, да, конечно! — воскликнул Уилсон, подливая себе вина. — Ничего не имею против. Мне нравится такая религия. Говорят, у вас есть целая книга о непристойностях, которую принято изучать как в храмах, так и в светском обществе.

— В «Камасутре» любовная игра представлена как искусство, а не просто плотская страсть, — ответил Киран.

Когда молодой человек перевел слова англичанина отцу, заминдар рассмеялся.

— Ни одна из наших женщин не ляжет в постель с европейцем! Индийские мужчины знают толк в любви, тогда как эти грубияны...

Он небрежно махнул рукой, а Киран неодобрительно сжал губы. Едва ли стоит вести такие разговоры в присутствии Джаи.

К счастью, после того как девушка поиграла на ситаре, отец велел ей удалиться.

— Почему бы нам тоже не съездить в Бишнупур, Джерри? — сказал Томас Уилсон, успевший выпить немало вина. — Я еще ни разу не брал отпуск и ты, кажется, тоже. Интересно посмотреть на все это! К тому же ты давно мечтаешь об индианке!

— Иностранцев не пускают в храмы, — возразил Киран.

— Мы можем одеться как индусы!

— Едва ли это поможет! — засмеялся белокурый и светлокожий Кемпион.

— Главное, мы готовы заплатить! — заявил Уилсон. — Все остальное — ерунда! Вы, Киран, знаете английский, Джерри немного говорит на хинди. Предпримем увеселительную поездку! Жрецы получают деньги, а мы... немного развлечемся.

— Наверное, это дорого стоит, — заметил Кемпион. Большую часть жалованья молодой человек отсылал матери.

— Брось, Джерри! В кои-то годы можно потратиться на себя! Если у тебя не хватит денег, я заплачу, — добавил Уилсон и обратился к Рандхару: — Что скажете, заминдар?

Киран с тревогой смотрел на отца. Неужели тот способен допустить, чтобы его сын отправился в путь в такой компании?

Господин Рандхар замешкался, тогда Уилсон со значительным видом заявил:

— Я готов выделить отряд английских солдат для устрашения подчиненного вам населения. Надеюсь, это заставит крестьян лучше работать и повысит налоги.

Разумеется, после этого заминдару было некуда отступать.

— Это невозможно, отец! — воскликнул Киран, когда гости ушли. — Поехать с ними, и куда — в храм Шивы! Представляю, как они будут себя вести! А если их не пустят в храм, и они устроят скандал?! Я не знаю места, где бы колонисты были менее желанны! Что они понимают в наших обычаях и святынях!

— К сожалению, сейчас именно они, а не мы хозяева этой земли, сынок. — Заминдар горестно вздохнул.

Не дождавшись поддержки отца, молодой человек пошел к сестре.

— Тот, что помоложе, красив, — застенчиво произнесла Джая, когда брат заговорил об английских офицерах.

Киран был неприятно поражен.

— Разве ты его видела?

— Я же присутствовала на ужине.

— Мне казалось, ты не поднимала глаз, как и пристало индийской девушке, — сухо заметил юноша.

Джая покраснела.

— Я смотрела украдкой. Мне показалось, что этот офицер — воспитанный и скромный человек.

— Если б ты лучше понимала их речь, ты бы думала иначе.

— Я бы хотела научиться свободно говорить по-английски, Киран. Ты позанимаешься со мной? — спросила девушка.

— Зачем тебе это? — удивился брат. — Лучше готовься к свадьбе!

Джая пожала плечами. Она вспоминала взгляд голубых глаз молодого британского офицера. Нет, этот человек не мог быть ни жестоким, ни развязным, ни грубым! Как жаль, что она скоро выйдет замуж. Ей бы очень хотелось еще раз встретиться с англичанином.

Томас Уилсон, Джеральд Кемпион, Киран и его слуга тронулись в путь, едва рассвело, и после полудня прибыли в Бишнупур.

Стоял чудесный день: сияло солнце, стволы деревьев казались отлитыми из меди. Отдельные вершины вспыхивали, как факелы, и тут же гасли. Земля была покрыта узорами из световых пятен. Горы, обычно туманные и далекие, очертились золотыми зубцами; казалось, город стоит внутри гигантской короны.

Для начала путники решили найти жилье. Уилсон смело вошел в первый попавшийся богатый дом, где им тут же выделили комнаты. Киран испытывал досаду, выступая в роли переводчика наглого английского офицера, но выхода не было. Он ограничился тем, что сочувственно улыбнулся хозяевам.

В храм отправились, когда стемнело. Луна сопровождала их, словно гигантский таинственный страж, освещала путь серебристым светом, который струился сквозь листву деревьев и исчезал в густых травянистых зарослях.

Подступы к храму охраняли два огромных каменных стражника, каждый с четырьмя руками. Указательный палец нижней правой руки был предупредительно поднят вверх.

Джеральд Кемпион вздрогнул.

— Что они хотят нам сказать? — с опаской прошептал он, пораженный мощью воздействия гигантских фигур.

— Они говорят, что сюда закрыт путь грешникам и что они покарают каждого, кто попытается осквернить святилище, — ответил Киран, втайне негодуя оттого, что служители храма увидят его, индуса, в компании военных в красных мундирах и что ему придется отстаивать их интересы.

— Посмотрим! — бодро заметил Томас Уилсон, тогда как Джеральд робко поинтересовался, как нужно себя вести в индийском храме.

— Храм — место, в котором земное встречается с небесным. Это жилище бога, — ответил Киран. — Вы можете молча поговорить с ним сами или обратиться к нему через жреца. Бог нуждается в постоянной заботе и не любит одиночества, потому в храме бурлит жизнь. Шива одарит вас своей благосклонностью, если вы пожертвуете ему красивую одежду или дорогое украшение.

Если Кемпион внимательно слушал и серьезно кивал, то Уилсон едва сдерживал смех.

Англичанам повезло: в этот день отмечали храмовый праздник, поэтому они смешались с толпой паломников и остались незамеченными.

Джеральд с любопытством разглядывал тех, кто пришел поклониться божеству. Среди них были разные люди: прекрасно одетые и почти обнаженные, как крепкие и сильные мужчины, так и изможденные постами аскеты, маленькие дети, немощные старцы и женщины в пестрой одежде. Кто-то повторял слова молитв, многие пели.

Кирану понравились храмовые танцы: каждое движение было выверено и наполнено смыслом, украшения и костюмы поражали богатством, да и сами исполнители отличались совершенной грацией и красотой. Кружение разноцветного вихря наполняло душу радостью и легкостью.

Томас Уилсон был изумлен роскошью, которая царила в храме. Похоже, его служители не знали слова «бедность». Впрочем, это было неудивительно: в любое время года к храму устремлялись толпы паломников. Среди жертвователей было немало богатых людей. Странно, что колониальные власти еще не добрались до этой сокровищницы! Когда представление закончилось, он нетерпеливо произнес, дернув Кирана за одежду:

— Скажи жрецам, что мы хотим выбрать девушек!

Молодой человек прикусив губу, молчал. Выражение, застывшее на лице индийца, заставило Джеральда Кемпиона умоляюще прошептать:

— Прекрати, Том! Пошли отсюда, это же храм, а не бордель!

Заметив фигуру жреца, Уилсон протолкался к нему с видом победителя и произнес одно единственное слово:

— Девадаси!

Жрец растерялся. Белые люди, англичане, военные — в храме, да еще с такими дерзкими требованиями!

Он что-то пробормотал, беспомощно оглядываясь по сторонам. Пересилив себя, Киран объяснил, что англичане — военные из Калькутты. Они не причинят никому вреда, просто толком не знают ни языка, ни обычаев храма. Поскольку Уилсон был настойчив, он прибавил:

— Они хотят... повидаться с танцовщицами.

— Мы заплатим! — Уилсон протянул кошелек с рупиями.

— Я не знаю, что ответить, — испуганно пробормотал служитель храма, обращаясь к Кирану. — Мне нужно посоветоваться с верховным жрецом. Приходите завтра, около полудня.

— Лучше уступить их требованиям, — сказал молодой человек. — Я не знаю, чего ожидать от этих людей!

В это время сгрудившиеся возле колонны танцовщицы, среди которых были Амрита и Тара, испуганно разглядывали англичан. В глазах Амриты застыла тревога, а сердце сжалось от предчувствия чего-то дурного. Девушке чудилось, будто в ее мир вторгается нечто разрушительное, враждебное, чужое. Другие девадаси разделяли ее чувства, и только Тара смотрела на англичан с мстительной радостью.

К девушкам подошел Камал и взволнованно произнес:

— Мне кажется, они о чем-то договорились. Если жрецы впустят в наш мир чужаков, это будет самая большая ошибка на свете!

— Пусть приходят, я буду рада, — ответила Тара.

— Что ты говоришь! — в смятении промолвила Амрита.

Тара расхохоталась.

— Ты забыла о моей обязанности обслуживать каких угодно паломников?

Ее смех звучал трагически и зловеще. Услышав этот демонический хохот, Камал вздрогнул и поспешно удалился.

[1] Ситар — струнный щипковый инструмент типа лютни.

[2] Наместник провинции, князь.

[3] Лакшми – супруга бога Вишну, символ безупречной духовной жизни и материального процветания, богиня красоты и благополучия.

Глава пятая

Искусная танцовщица и не менее искусная любовница, к семнадцати годам Амрита сделалась гордостью и знаменитостью храма. Она отдавалась ритуалам с легкостью, радостью и желанием, чем, без сомнения, заслужила благосклонность великого Шивы.

Тара, напротив, прозябала в неизвестности. Ею не были довольны ни паломники, ни жрецы. Обе девушки были талантливы и красивы, но если в сердце Амриты пылал огонь, в душе Тары царила мрачная пустота.

Амрита не смогла раскрыть лучшей подруге тайну своего посвящения в девадаси. Первое время она сторонилась Камала, а при встрече смущенно опускала глаза. Однако молодой человек держался как ни в чем не бывало, и постепенно Амрита вновь стала относиться к нему как к давнему другу.

Она привыкла рассматривать акт телесного слияния как разновидность служения богу и, отдаваясь незнакомцам, не испытывала ни неловкости, ни стыда. Амрита была дорогой девадаси и обычно делила ложе с мужчинами из высших сословий. Она помогала им обрести божественное откровение, и сама нередко возносилась на вершины блаженства. Кроме того, девушка продолжала жить танцем, отдавать ему свою телесную энергию и воплощать желания души. Амрита была счастлива. Может быть, потому что богу Каме еще не довелось ранить ее сердце своими стрелами.

Тара чувствовала себя по-другому. Служение в храме стало для нее пыткой: она ненавидела мужчин, которым она вынуждена была отдаваться, и потеряла интерес к танцам.

Это не осталось незамеченным.

Месяц назад Хемнолини, женщина, которая преподавала танцовщицам науку любви, подошла к Камалу и сказала:

— Меня беспокоит одна из девадаси, девушка по имени Тара. Люди, которые жертвуют свои деньги храму, недовольны ею. Последний раз ее выбрал очень состоятельный человек, брахман. Потом он сказал, что с таким же успехом мог бы возлечь с деревянной куклой или древней старухой.

— При чем тут я?

Женщина вздохнула. Ее немолодое лицо было печальным и озабоченным.

— Поговори с ней.

— Обучать девушек искусству любви — твоя, а не моя обязанность, Хемнолини. Я учу только танцам.

— И что ты можешь сказать о Таре?

— Она всегда была лучшей из лучших. Танцовщица милостью Натараджи. Признаться, я полагал, что эта девушка станет звездой храма. Мне странно видеть, что теперь она ничем не выделяется из остальных.

— Вот и я о том же. Мне жаль Тару. Рано или поздно слухи о ней дойдут до верховного жреца. Он не станет держать в храме девушку, которая не приносит никакого дохода и на которую жалуются паломники. Я пыталась узнать, в чем дело, но она молчит. Она никогда меня не слушала, ее не интересовало искусство любви, она не желала его постигать.

Молодой человек приподнял тонкие брови.

— И все-таки скажи, при чем тут я?

— Поговори с ней, Камал. Девчонки всегда кружили возле тебя, они тебя любят и доверяют тебе.

— По-моему, у Тары непростой характер.

— Я тоже так думаю. А еще знаю, что у тебя доброе сердце. Вдруг тебе удастся узнать, что у нее на душе.

— Хорошо, — пообещал юноша, — я с ней поговорю.

На следующее утро Камал разыскал Тару в храмовой пристройке, где жили девадаси, и предложил девушке выйти на улицу. Сезон дождей еще не закончился, и мокрые постройки выглядели неприветливыми и заброшенными. Стены храма тускло отсвечивали в безрадостном утреннем свете. С ветвей деревьев свисали поблекшие листья; порывистый ветер срывал их и швырял на мокрую землю. Голые склоны гор почти сливались с пасмурным небом, земля набухла, переполненная влагой.

Тара была не накрашена, с простой прической, в темно-коричневом сари, больше подходящем женщине в возрасте, а не юной девушке.

Ее темные глаза казались непроницаемыми, как ночь.

— Что тебе нужно? — неприветливо спросила она.

— Я хочу с тобой поговорить.

— О чем?

— Кое-кого тревожит твоя судьба, Тара. Ты плохо выполняешь свои обязанности. С тобой что-то происходит, а что — никто не может понять.

— Ты тем более не поймешь.

За минувшие годы Камал не утратил ни обаяния, ни терпения. Не обращая внимания на тон девушки, он улыбнулся и произнес:

— Я постараюсь.

Тара смотрела сквозь Камала, храм и застывшие на горизонте горы на что-то видимое ей одной.

— Я всегда думала, что попала в храм для того, чтобы танцевать, а не для того, чтобы отдаваться каждому, кто укажет на меня пальцем!

— Разве тебе не говорили, что ты должна служить богу, а не своим желаниям?

— Я не хочу делать то, что мне не нравится, — упрямо повторила она и продолжила срывающимся голосом: — Я не получаю никакого удовольствия, ложась с незнакомцами. Мне противно. Мне плохо. Я несчастна. Полагаешь, это угодно богу?!

Камал замолчал, осмысливая сказанное. Он помнил, с каким рвением Тара стремилась стать лучшей из танцовщиц, как упорно трудилась до тех пор, пока не достигала желаемого. У этой девушки были и характер, и талант, и сила воли! В чем же причина, куда все ушло, что погасило огонь?

— Когда-то я посоветовал Амрите брать пример с тебя, теперь говорю тебе: посмотри на Амриту!

— Амрита другая, — заметила Тара. — Она не страдает той болезнью, которая есть у меня.

Камал схватился за неожиданное признание.

— Болезнь? Причина в телесном изъяде? Такое случается... Ты говорила с лекарем?

Девушка прикусила губу. Перед ней было ее счастье. Ее идол, ее идеал, ее бог. Он пришел, пришел сам, пришел, чтобы помочь. Другого случая может не быть.

— Здесь нужен не лекарь... Камал! Позволь, я приду к тебе нынешней ночью, и ты... все поймешь.

Он невольно отшатнулся.

— Это запрещено. Я принадлежу только богу.

Глаза Тары, как два драгоценных камня, переливались таинственным сиянием.

— Это не то, о чем ты подумал. Мы просто... поговорим. Я открою тебе свою тайну.

— Скажи сейчас!

— Нет, — решительно произнесла Тара. — Мне неловко говорить об этом при свете дня. Она гордо расправила плечи и повернулась, чтобы уйти, но он удержал ее.

— Хорошо. Я буду ждать тебя... в полночь. Ты знаешь, где я живу?

— Да.

— Будь осторожна, чтобы никто не заметил.

Около полуночи, закончив приготовления, Тара неслышно выскользнула на улицу.

Шел мелкий дождь — капли чуть слышно шелестели в листве. Остро пахло свежей травой, землей и мокрой древесной корой.

Тара долго смотрела на храм. С раннего детства он был ее домом, его звуки и образы жили в ее душе, он никогда не казался ей чем-то застывшим, напротив — изменчивым, подвижным, как пламя, вода или ветер. Она никогда не думала, что храм станет ее соперником в борьбе за счастье.

Очутившись в жилище Камала, девушка с удивлением отметила, что здесь нет ни роскошных тканей, ни изысканной мебели. Жесткие циновки, глиняный светильник — вот и все убранство.

Тара поняла: в храме Камал был «богом», в своем жилье превращался в человека. В обрядах и танцах воплощал чувственную ипостась Шивы, в обычной жизни вел себя как суровый аскет.

Вероятно, она была первой женщиной, переступившей порог этой убогой каморки.

Камал поднялся ей навстречу. Без ярких украшений и дорогой одежды он выглядел понятнее, ближе и... беззащитнее.

Тара предстала перед ним иной: искусно уложенные волосы, звенящие браслеты, гроздья рубинов в ушах и на шее, будто капли крови, а прозрачные розовые шальвары — как паутинка, опутывающая стройные ноги. Грудь была обнажена, соски ярко окрашены охрой, как и пальцы рук и ног.

Девушка дернула алый шнурок на талии — шальвары тонким облачком упали к ее ногам. Тара изящно переступила через них и сказала:

— Я и вправду пришла поговорить. Поговорить... на языке любви. Возьми меня! Возможно, тогда ты поймешь, в чем заключается мой недуг. И быть может, сумеешь помочь.

Камал смотрел на нее во все глаза, не зная, что сказать. Его плоть протестовала против доводов разума. Девушка так соблазнительна и красива... А он молод и нуждается в женской ласке. Почему бы нет? Хотя бы один раз. Никто не узнает...

Тара была права — Камал служил Шиве, а не своим желаниям. В жизни храмового танцовщика не было женщин, кроме одной опытной девадаси, обучавшей его искусству любви, когда ему исполнилось четырнадцать лет, и девочек, которые проходили обряд посвящения.

То был ритуал, не имеющий ничего общего с истинным актом любви. Да и это случалось нечасто. Камал привык к воздержанию, но иногда оно начинало его тяготить. Он постоянно находился в окружении прелестных девушек и женщин, многие из которых проявляли к нему симпатию, но ни одна из них не являлась в его жилище, чтобы предложить насладиться ее страстью, ее телом.

Тара взяла его руку и притянула к своему женскому естеству. Она глубоко и ровно дышала, но в ее блестящих глазах сквозило напряжение.

Камал подумал о бархатистых розовых лепестках, покрытых нежной росой. Он обнял девушку, и они трепетно и жадно прильнули друг к другу.

Вхождение лингама в йони было острым как нож, и вместе с тем Таре почудилось, будто в ее тело вливается густой, нежный и сладкий как мед поток.

То была ночь бесстыдной чувственной страсти, горячей как пламя, сжигающее душу дотла, страсти, которая превратила Тару в настоящую женщину. За несколько часов она успела познать все безумие, всю утонченность, всю глубину телесной любви. Страсть пронзала ее насквозь, и она была готова умереть от этих огненных ран.

Тара видела свое отражение в глазах Камала, ослеплявшее сладострастием, ошеломляющее потоком нежности.

— Не спи! — прошептала девушка, когда он устало закрыл глаза.

Юноша улыбнулся.

— За одну ночь мы все равно не сумеем перелистать всю «Камасутру»!

— У нас не хватит времени?

— Прежде всего — не хватит сил.

Прерывисто вздохнув, Тара прижалась щекой к его плечу.

— Теперь ты понял, Камал? Мои ножны созданы для одного единственного кинжала! Я тебя люблю. И всегда любила. Еще в детстве я мечтала соединиться с тобой, так же, как Сати, едва родившись, уже желала выйти замуж за Шиву. Если б мне пришлось выбирать между службой в храме и тобой, я бы выбрала тебя. Сначала я думала, что мы должны быть вместе, потому что оба не можем жить без танца, потому что мы подкидыши и не знаем, к какой касте принадлежим. Теперь могу добавить: «Потому что нам хорошо друг с другом».

Замолчав, девушка с болью почувствовала, как он отдалился, похолодел.

— По-твоему, я тоже должен сделать выбор?

— Нет. Потому что я знаю, что ты выберешь. Прежде я хотела, чтобы ты принадлежал только мне. Потом поняла, что это невозможно, и решила провести с тобой хотя бы одну ночь.

— Она горько усмехнулась. — Чтобы познать настоящую радость. Чтобы мне было что вспомнить. Чтобы я могла сравнивать тебя с другими.

Камал смягчился.

— Приходи завтра. И послезавтра тоже. Мне хорошо с тобой. Я никогда не испытывал ничего подобного.

Остаток ночи прошел так же, как и начало: их тела неустанно сплетались в страстных объятиях. Светильник давно погас, циновка пропиталась потом и соками любви.

Перед тем, как уйти, Тара долго лежала молча и думала.

— Сколько тебе лет? — спросила она.

— Двадцать четыре.

— Неужели за все эти годы ты никогда не отпускал себя на свободу?

— Я всегда был свободен.

— Стало быть, мы понимаем свободу по-разному, — сказала Тара и добавила: — Пройдет с десятков лет, может, чуть больше, и твое тело начнет меняться, постепенно утратит гибкость, черты отяжелеют, взгляд потухнет. Что ты станешь делать тогда?

— Я никогда не задумывался об этом.

— Напрасно. Человек должен думать о том, что у него останется, когда его начнет разрушать время.

— Останется любовь к Натарадже.

— Ты уверен, что Натараджа будет любить тебя так, как ты любишь его, когда ты станешь ему служить? Что ты будешь нужен ему? Нужен так, как ты нужен мне?

Камал пожал плечами.

— Только безумец может поставить любовь смертного выше любви к богу.

Тара вышла на улицу в тот миг, когда звезды погасли и наступил рассвет. Ей казалось, будто прошла целая вечность и мир волшебным образом преобразился, став совершенно другим.

В комнатке, которую она делила с тремя другими девадаси, девушка обнаружила Амриту — та расчесывалась перед серебряным зеркалом.

— Где ты была? — спокойно спросила подруга.

— Я провела ночь с Камалом.

Амрита уронила гребень и уставилась на подругу.

— Он позвал тебя?

— Я сама напросилась.

Тара села и попыталась пригладить растрепавшиеся волосы. Она выглядела растерянной и трогательно смущенной.

— Что ты почувствовала? — спросила Амрита.

— Это было непередаваемо! — выдохнула Тара. — Совсем не так, как с другими.

При воспоминаниях о гибком и сильном теле Камала, его движениях, таких же изящных и красивых, как в танце, она ощутила волнуемую дрожь.

— Он тебя любит? — спросила Амрита, и увидела, как сникла Тара.

— Я не спрашивала, потому что, возможно, знаю ответ. Но он просил прийти завтра. И послезавтра. — Она вздохнула и изрекла: — Настоящая жизнь — жизнь, которой живешь сейчас, в этот миг. Остальное — обман.

— Ты так думаешь?

— Иного мне не остается.

Так продолжалось ровно месяц — целый месяц Тара была счастлива и полна надежд на будущее. Она приходила к Камалу каждую ночь, и они предавались безумной страсти. Танцовщица изобретала различные предлоги, ссылаясь на несуществующие болезни, лишь бы не принимать у себя паломников.

Между тем к ней вернулся веселый задор, чувство уверенности в себе, взгляд стал открытым и ясным.

Когда она танцевала, ее движения были полны чарующей, завораживающей, неумолимой силы, такой же, как любовь и страсть, а глаза казались колодцами, полными извечной женской тайны. Столь же непознанной и глубокой, как человеческая душа.

Тара вернула себе славу лучшей танцовщицы храма и затмила Амриту. Та не огорчалась и не завидовала — она радовалась счастью подруги.

А потом случилось то, что должно было случиться.

Постепенно любовники утратили осторожность и украдкой обнимались не только в жилище Камала, но и в храме. Однажды, когда девушки украшали статуи к празднику, Тара отошла со своим возлюбленным в укромный уголок и принялась договариваться о ночном свидании. Предпраздничное время было наполнено хлопотами, служители сновали туда-сюда, в храм текли толпы паломников. Они с Камалом не виделись вот уже несколько ночей и болезненно желали друг друга.

— Вчера я пыталась пробраться к тебе, но не смогла, — с волнением произнесла девушка. — Боялась, что меня увидят. Скажи, мы не можем встретиться в другом месте?

Тара вспомнила о проломе в стене, который давным-давно заложила камнями. Они могли бы выбраться наружу, и... Мысль о ночной прогулке сводила ее с ума. Только едва ли Камал согласится: он никогда не покидает территории храма.

— Не знаю. Надо что-то придумать. Ночь без тебя — невыносимая пытка! — сказал он и, изнывая от нетерпения, прильнул губами к ее губам.

Они не заметили, как перешли грань и стали ласкать друг друга. Молодой человек усадил девушку на каменный постамент и целовал ее грудь, шею и плечи. Тара откинула голову назад и в блаженстве закрыла глаза, между тем как его руки начали поднимать ткань ее легкой сборчатой юбки.

Резкий голос прервал лихорадочное слияние их тел.

— Это что за сцены из «Камасутры»? Да еще в храме! Кто вам позволил?!

Перед ними стоял один из жрецов в длинной одежде. Он держал в руке жезл, служивший для того, чтобы отгонять злых духов. Его глаза были холодными и злыми.

Тара увидела, что Камал не на шутку испугался. Он упал на колени, тогда как девушка стояла прямо и гордо. На губах Тары играла дерзкая улыбка. Когда-то она жила, отравлен-

ная мучительным ожиданием счастья, теперь была больно ранена предчувствием смертельного разочарования и горя.

Молодой человек простерся на полу и протянул руки к ногам жреца.

— Прости! Прости! Клянусь Шивой, это никогда не повторится!

Служитель храма произнес полную угроз и устрашений назидательную речь. Ослушникам было приказано явиться к одному из верховных жрецов.

Когда жрец ушел, Камал поднялся на ноги. Тара смотрела на него во все глаза. Совсем недавно ей чудилось, будто за его спиной колышутся упругие, сильные крылья. Сейчас он выглядел жалким, растерянным и поникшим.

— Я знал, что это случится! — произнес он побелевшими губами. — Знал, что мне суждено быть наказанным за то, что я забыл о служении Шиве! За то, что предпочел любви к богу страсть к земной женщине!

Тара предприняла последнюю попытку.

— Давай сбежим! Я знаю, как это сделать. Уедем в Калькутту. На свете много богатых людей, которым нравятся танцы. Я согласна выступать даже на улицах, лишь бы быть рядом с тобой! Клянусь, мы сумеем заработать на кусок хлеба!

Камал отшатнулся от нее, как от прокаженной.

— Разве можно превращать храмовые танцы в уличное представление?!

— Я думаю, важно не то, где ты танцуешь, а как ты это делаешь. Наше искусство создано не для богов, а для людей. Для всех людей, а не только для тех, кто явился почтить бога Шиву.

Камал в страхе затрепетал.

— Я хочу и могу танцевать только в храме!

Тара замолчала.

— Мы больше не будем встречаться? — спросила она после паузы.

— Нет. Никогда!

Камал вел себя униженно, покаянно, и его простили. Тара держалась вызывающе, и ей назначили наказание: отныне она была обязана удовлетворять потребности самых бедных и убогих паломников. Нищие, старики, зараженные проказой тоже нуждались в божественной благодати! Отдаваясь им, девушка искупала вину за то, что ее тайным любовником был молодой и красивый мужчина. Мужчина, которого она любила всем сердцем и который предал ее любовь.

— Он мог бы взять часть вины на себя, — говорила расстроенная Амрита, глядя волосы лежавшей ничком подруги. — Сказать, что это он тебя соблазнил.

— В этом пришлось признаться мне, — глухо отвечала ей Тара. — Я не хотела, чтобы Камал меня возненавидел. Это непременно случилось бы, если б его наказали!

— Как он себя вел?

— Ползал перед ними и умолял простить. Говорят, воля Шивы порождает героев. Помоему, иногда она порождает трусов.

— Я не думала, что он такой... — задумчиво промолвила Амрита. — Он казался таким понимающим, великодушным.

Тара оторвала руки от залитого слезами лица.

— Он никогда не испытывал страданий, его все любили, восхищались его красотой и талантом. Смотрели как на живого бога! Ему было легко казаться благородным и добрым.

— Он знает, к чему тебя приговорили?

— Да, знает.

— Неужели он не подошел к тебе, не посочувствовал, не утешил? — прошептала Амрита.

— Нет. Он сторонится меня, будто я заразилась смертельной болезнью! Я надеялась, что он меня полюбит, но теперь знаю, что была ему нужна только для телесного удовольствия.

— Не терзай себя, Тара, забудь о нем, он тебя не достоин! — со слезами воскликнула девушка. — Несмотря на свое обаяние, красоту и талант, он худший из мужчин!

Когда-то Амрита также пыталась утешить подругу после ее посвящения в девадаси. Пыталась — и не могла. Можно ли вылечить сердце, раненное таким жестоким горем!

Что с ними такое и кто они такие, если нужны мужчинам лишь для сиюминутной утехи. Неужели то, что им внушали все эти годы — ложь?!

Тара резко села на циновке и исступленно произнесла:

— Ты моя лучшая подруга, и я хочу признаться в своем желании сбежать отсюда, навсегда покинуть храм!

— Куда ты пойдешь? — в смятении проговорила Амрита.

— Куда угодно, лишь бы очутиться подальше от этого «божественного» места.

Глава шестая

Близился полдень, а Томас Уилсон все еще валялся в постели. К удивлению Джеральда Кемпиона, он заявил, что не хочет идти в храм.

— Мне не нравятся ни лица индианок, ни их наряды. Я предпочитаю белых женщин. Но ты иди, Джерри. Ты всегда мечтал познать любовь индийской красавицы. Киран поможет тебе договориться со служителями храма.

Киран молчал, и за этим молчанием скрывались возмущение и протест. Молодой человек так и не смог объяснить англичанам, что храм Шивы — место поклонения богу, а не дорогой бордель. Для них священная вера индусов была сродни вере язычников, чему-то нелепому, устаревшему и смешному.

Оставшись один, Томас принялся вспоминать роскошное убранство храма. Сколько золота и драгоценных камней, и все это толком не охраняется!

Англичанин с усмешкой подумал о стоящих у входа каменных идолах. Не будь он заместителем начальника гарнизона Калькутты, обязательно предпринял бы попытку тайком проникнуть в храм и поживиться его добром! Даже толики хранящегося там золота хватило бы для того, чтобы безбедно прожить остаток жизни! И желательно в Лондоне, а не в этой жаркой и душной, полной темных, грязных людей и отвратительных насекомых стране!

Киран и Джеральд шли к храму по цепочке квадратных каменных плит. Англичанин с изумлением вглядывался в украшения, покрывающие внешние стены святилища: какая свобода выражения, какое буйство фантазии!

— Должно быть, люди, создававшие эти скульптуры, были свободны от запретов, — заметил он. — В нашей стране подобное кажется невозможным! И потом, я думаю, что плотская связь это... это таинство двоих.

— Чувственное желание, кама, — одна из целей человеческого существования. Это не только влечение плоти, но и восприимчивость к чувствам другого человека, способность оценить глубину наслаждения того, кого любишь. Наш народ не знаком с мифом о первородном грехе; у нас слияние мужского и женского начал — это разновидность богослужения. Соединение двух полов есть проявление божественного начала, потому нам незачем стыдиться этих скульптур, — сухо произнес Киран.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.